

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Брянский государственный аграрный университет»
Мичуринский филиал

Ильютенко С.Н.

Книга для чтения
по истории и культуре Брянского края
учебное пособие

Брянск, 2018

УДК 908 (07)
ББК 28.89
И 45

Ильютенко, С. Н. Книга для чтения по истории и культуре Брянского края: учебное пособие / С. Н. Ильютенко. - Брянск: Изд-во Брянский ГАУ, 2018. – 77 с.

Учебное пособие предназначено в качестве дополнительного источника для изучения дисциплины История родного края обучающимся 1 курса специальностей 15.02.06 Монтаж и техническая эксплуатация холодильно-компрессорных машин и установок, 19.02.08 Технология мяса и мясных продуктов, 19.02.10 Технология продукции общественного питания и содержит материалы для подготовки к занятиям, написания рефератов и творческих работ.

Рецензент: преподаватель истории Мичуринского филиала ФГБОУ ВО «Брянский ГАУ» Сивкова А.А.

Печатается по решению методического совета Мичуринского филиала Брянского ГАУ протокол № 2 от 09.11.2017 года.

© Ильютенко С.Н., 2018
© Мичуринский филиал
ФГБОУ ВО «Брянский
государственный аграрный университет», 2018

Оглавление

Введение	4
1. Стоянки древнего человека на территории Брянского района	5
2. Жилища, домашняя утварь, быт и нравы Брянцев в X-XV веках	11
3. Брянцы в Куликовской битве	14
4. Быт и социальное устройство на Брянщине в XVI – XVII веках	17
5. Восстание Емельяна Чернодыра. «Брасовская республика»	19
6. Быт и народная культура в XVIII веке	26
7. Брянский край в мемуарной литературе XVIII века	28
8. «Истинные воспоминания» Г.И. Добрынина	32
9. Быт и народная культура Брянщины в XIX веке.	34
10. Брянцы в научной и культурной жизни России XIX века	36
11. Монастырская и церковная жизнь на Брянщине.	41
12. Свенский монастырь	45
13. Дворянские усадьбы Брянского края	51
14. Общественная жизнь в начале XX века	58
15. Борьба за общественное сознание	66
16. Социальные перемены и общественная жизнь в довоенные годы	68
Использованная литература	75
Дополнительная литература для студентов	75

Введение

Учебное пособие "Книга для чтения по истории родного края" предназначается обучающимся 1 курса специальностей 15.02.06 Монтаж и техническая эксплуатация холодильно-компрессорных машин и установок, 19.02.08 Технология мяса и мясных продуктов, 19.02.10 Технология продукции общественного питания. Учебное пособие входит в учебно-методический комплекс дисциплины "История родного края" и включает в себя материалы, которые помогут студентам лучше освоить учебный материал по дисциплине, будут способствовать выработке навыков самостоятельной работы.

Брянская область расположена на западной части Среднерусской равнины, занимает площадь 34,9 тыс. кв. км, на территории области проживает более полутора миллиона человек. Наш край издревле был важной частью Древней Руси, а затем и Северской земли, названной так по имени восточно-славянского племени северян, разделивших деснинские земли с вятичами, радимичами и кривичами. Начало изучения истории брянской земли относится к XIX веку, когда начинается исследование древних рукописей, памятников церковной старины и устного народного творчества. Жители края оставили заметный след в летописи борьбы русского народа за веру и государственность. В разные годы наши земляки обустроивали и укрепляли Русское государство, внесли заметный вклад в развитие русской культуры.

Данное учебное пособие отражает историю Брянщины, начиная с глубокой древности и заканчивая новейшим временем. Материал знакомит с духовной, политической, социально-экономической жизнью края, показывает бытовую жизнь населения. Цель создания данного учебного пособия – дать дополнительный материал для подготовки докладов и рефератов, презентаций.

При написании пособия использованы материалы отдельных глав учебных пособий И.В. Алферовой, О.В. Горбачева, Ю.Б. Колоскова, В.В. Крашенинникова; материалы сайта "Брянский край" и "Родной Брянск! Милая сердцу Брянщина!", а также и другой краеведческий материал.

Стоянки древнего человека на территории Брянского района

Древние стоянки каменного века - одна из главных археологических жемчужин Брянского края.

В 1925 году на территории Брянского района был открыт первый палеолитический памятник - Супоневская верхнепалеолитическая стоянка. В 1927 году у д. Тимоновка удалось найти другую стоянку. Раскопки вели видные советские ученые - В.Р. Городцов, Л.П. Ефименко, М.В. Воеводский и др. В 1930 г. К.М. Поликарпович обнаружил и раскопал Елисеевскую стоянку. Благодаря этим исследованиям, было установлено, что заселение территории Брянского края произошло в эпоху верхнего палеолита. В послевоенное время в бассейне Верхней Десны было обнаружено более 2 тыс. археологических памятников: палеолитических местонахождений, верхнепалеолитических стоянок, могильников и городищ бронзового века и раннего железа, селищ ранних славян.

Археологические памятники на Десне располагаются не цепочками, а «кустами». Так, к западу от современного Брянска четко прослеживается три таких агломерации - Брянская, Вщижская и центральная - Хотылевская. Стоянки древнего человека Хотылево-1 и Хотылево-2 в долине Десны имеют всемирное значение. Неслучайно археологи называют брянскую землю палеолитической Меккой. Это один из немногих уникальных регионов России, где практически без хронологических разрывов прослеживается вся история становления человечества. В этом поселении около ста тыс. лет тому назад очень длительное время обитали люди неандертальского типа. Огромная площадь поселения состоит из материальных комплексов и различных культурных наслоений.

На территории Хотылёво присутствуют памятники археологии от периода раннего палеолита до позднего средневековья. Красота и экологическая уникальность хотылевского участка долины Десны уже оценена биологами - здесь открыт луговой заказник. Кроме археологических и природно-ландшафтных памятников, Хотылёво известно усадебно-парковым комплексом, принадлежавшим в XVIII - нач. XX вв. родам Тютчевых и Тенешевых. В парке произрастают уникальные деревья, его пейзажи запечатлены Врубелем на картине «Пан».

История археологического изучения с. Хотылёво начинается с того, что археолог В.А. Городцов в 1928 г. высказал предположение о возможности находок палеолита на его территории. В 1935 г. бежицкий краевед Н.И. Лелянов описал первые находки в районе Хотылёво. В течение ряда лет из Хотылёво поступали в Брянский музей от местных жителей кости мамонта. Как сообщал археолог Ф.М. Заверняев, «до войны, когда шел интенсивный размыв правого берега р. Десны в районе с. Хотылева, на бечевнике кости мамонта лежали грудками». В 1948 г. в районе Хотылёво он обнаружил ископаемые кости и кремь палеолитического облика. Масштабные работы на этой территории начались только во второй половине 1950-х гг. Раскопки и исследования, которые в 1958 г. вели Ф.М. Заверняев и Е.А. Шмидт, позволили обнаружить несколько стоянок. Наиболее древним из найденных, является Хотылевское палеолитическое местонахождение.

Стоянка Хотылёво-1 – это древнейший памятник эпохи Микулинского межледниковья в центре Русской равнины. Ее протяженность вдоль Десны составляет один километр. Она расположена в 0,2 км к северу от домов центральной и южной части села в подножии обрыва правого коренного берега Десны. На стоянке собрано около 20 тысяч кремневых изделий. Орудий немного: бифасы (обломки), листовидные наконечники, ножи, черешковые орудия, многочисленные скребла различных типов. Найдены две наковаленки из кости и амулет из мергеля. Некоторые рубящие и ударные орудия имеют архаический облик. Они, видимо, древнее большинства других изделий. Древняя фауна представлена костями мамонта, бизона, лошади, волка. Местонахождение сохранило остатки мастерской по обработке кремня, располагавшейся близ выходов сырья. Наши далекие предки оставили здесь орудия труда из кремня, а в древних речных отложениях археологи обнаружили кости ископаемых животных.

Стоянка Хотылёво-2 (Кладбищенская балка) относится к развитой поре верхнего палеолита (24-25 тыс. лет назад). Она расположена в 0,5 км к северо-западу от села, в урочище Кладбищенская Балка. Обнаружил в 1967 году и исследовал Ф.М. Заверняев. Стоянка расположена на правом коренном берегу Десны. Её площадь около 300 квадратных метров. Вскрыты зольники, включавшие остатки костного угля, отходы кремнеобработки и минеральные краски, большие очажные ямы, окруженные небольшими очагами и хозяйственными ямами. Обнаружено шесть вертикальных вскрытых черепов мамонта. По мнению Ф.М. Заверняева, это остатки жилой площадки. Собрано около 40 тысяч кремневых изделий, в том числе нуклеусы, отбойники, резцы, скребки, скребла, дисковидные и долотовидные орудия. Значительный интерес представляют две женские статуэтки, антропоморфные фигурки, острия с антропоморфными головками, лопаточки с навершиями, обломки браслетов, вырезанных из бивня мамонта, амулеты из клыков песка; некоторые изделия покрыты нарезками и украшены резным геометрическим орнаментом. Кости мамонта, бизона, волка, песка, птиц свидетельствуют об объектах и характере давней охоты. Стоянка относится к средней поре позднего палеолита (25 000 лет).

Стоянка Хотылево 3 расположена в 0,5 км к северу от центральной части села в пойме левого берега Десны. Ее обследовали Е.А. Шмидт и Ф.М. Заверняев в 1958 году. С развезанной поверхности собраны кремневые отщепы и пластины, отнесенные к мезолиту. Стоянка Хотылево 4, неолит, расположена в 0,25 км от северо-западной окраины села. Расположена на мысу первой надпойменной террасы правого берега Десны. С поверхности собраны неолитические орудия и отщепы из кремня.

Они же обнаружили и стоянку Хотылево 5, расположенную у дороги на разъезд Хотылево. С поверхности собраны неолитические орудия и отщепы из кремня.

Поселение Хотылево 6 относится к эпохе палеолита, мезолита, неолита, эпохе бронзы, раннего железного века. Расположенное в 1 км от северной окраины села, было обнаружено в 1950-х годах Ф.М. Заверняевым, а исследовано А.Н. Сорокиным в 1981 году. Напластования состоят из верхнего и нижнего культурных слоев, разделенных толщей лесса. Верхний слой залегал сразу под

дерном и был сильно поврежден распашкой. В его горизонтах обнаружены обломки лепной керамики среднеднепровской и юхновской культур, там же найдены наконечник стрелы и обломок шлифованного топора из кремня. Основная масса предметов (ножевидные пластины, скребки, отбойники, тесла, резец) из слоя датирована мезолитом и неолитом. В глубоком слое преобладали кремневые отщепы; орудий очень мало: четыре рубилообразных, два скобеля, отбойник и пластины. Характер и набор кремневых орудий позволяют считать нижний слой остатками мустьерской стоянки-мастерской.

Стоянка Хотылево 7, неолит, расположена в 1,2 км к востоку от села на мысу первой надпойменной террасы правого берега Десны и левого берега реки Госома. Место распространения находок примыкает к западной площади селища 1. С поверхности собраны неолитические кремневые орудия и отщепы.

В новокаменном веке улучшились климатические условия и возросло первобытное население. В верхнем Подесенье распространилась днепродонецкая культура и родственная ей юхновская. Исследованные памятники дают представления об изменениях, происходивших в хозяйственной, общественно-социальной и культурной жизни местных племен. Для эпохи раннего железа характерен новый тип поселений - укрепленные городища, в которых жили большие семьи (1 - 3 ряда рвов, вал, по всему периметру обнесенный частоколом) и не укрепленные селища, связанные территориально с городищами, многокамерные жилища столбовой конструкции на несколько семей - длинные дома. В 1937 г. было раскопано городище "Торфель" в Бежице. Е.А. Калитина при участии москвички Е.А. Горюновой на средства фасонолитейного завода исследовала городище раннего железного века, мешавшее расширению заводской территории. Они раскопали несколько курганов. Общий объем коллекций, собранных в 1937 г., достиг 130 ящиков, хранившихся в Смоленском музее и захваченные немцами во время войны.

Большая работа по исследованию селищ была проведена П.Н. Третьяковым. Он разработал хронологию славянских древностей первого тысячелетия н.э.

Некоторые из таких селищ занимают огромную площадь и имеют мощные образования с различными культурными наслоениями. Особенно показательно в этом отношении селище в устье реки Госомы в Брянском районе. На нем люди обитали почти без перерыва с первых веков первого тысячелетия до начала второго тысячелетия нашей эры.

Городище 1 принадлежит раннему железному веку. На нем обнаружены обломки глиняных грузил и керамика юхновской культуры.

Городище 2 - датируется XI-XIII веками. Обнаружены обломки лепной керамики юхновской культуры и гончарной древнерусской.

В 1955 г. А.К. Амброз, проводя разведки в Верхнем Подесенье, зафиксировал городище Кудеярка и несколько селищ, относящихся к раннему железному веку и древнерусскому периоду.

Селище 1 также относится к раннему железному веку. Было вскрыто 153 квадратных метра, зафиксировано два горизонта остатков: нижний принадлежит почепской культуре, верхний - роменской. В почепском горизонте видна древняя длинная наземная постройка (жилище) столбовой конструкции со

слегка углубленным полом, возможно трехкамерная (15 на 5 метров). Почепской культуре принадлежат глиняные пряслица, железные ножи, шилья, фрагменты пластинчатого браслета, обломки керамической посуды: грубой лепной и с лощеной или заглаженной поверхностью. Почепский горизонт перекрыт остатками селища роменской культуры. В этом горизонте найдены керамика и железные пряжка и шило. Следов построек VII-X веков не зафиксировано. Территории селищ совпадают лишь частями: почепское находилось ближе к устью Госомы, а роменское – южнее, в противоположной от реки стороне.

Всего было обнаружено 6 селищ, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга. В них найдены обломки лепной керамики начала первого тысячелетия нашей эры, зафиксирован профиль полуземлянки и собраны обломки лепной керамики колочинской, роменской культур и гончарной керамики древнерусской культуры, обнаружены остатки почти квадратной постройки (около 4 на 4 метра) со слегка углубленным полом и несколько хозяйственных ям.

В урочище Турецкие могилы в 1955 году, были обнаружены курганные могильники. По разным сведениям, насчитывается от 4 до 6 курганов диаметром от 5 до 12 метров, высотой от 0,3 до 0,1 метра.

Таким образом, в исследованных поселениях сохранились остатки хозяйственных и очажных ям, представлявших жилищно-бытовой и хозяйственный комплекс. Это указывает на то, что в течение всего палеолита здесь не прекращалась жизнь. К 1982 г. на участке протяженностью в 3,3 км от водораздела Десны и Госомы до курганной группы на берегу впадающей в Десну слева р. Сенны было открыто и обследовано в общей сложности 16 памятников разных эпох. В 4-х были обнаружены роменско-древнерусские материалы, остальные принадлежали более ранним периодам.

С 1993 г. К.Н. Гавриловым и А. А. Чубуром продолжены работы в районе Хотылёво. Первый продолжал раскопки Хотылево-2 на современном научном уровне, второй, сосредоточившись на разведках, выявил новые памятники палеолита и мезолита (стоянки 8-18). Стоянка-мастерская Хотылево-8 была подвергнута раскопкам А.А. Чубуром в 2002. На многослойной стоянке Хотылево-6. был обнаружен новый слой поздней поры верхнего палеолита и культурный слой ранней поры верхнего палеолита, ранее не встречавшейся в Подесенье. Позже под городищем раннего железного века Кудеярка, К.Н. Гавриловым был найден новый памятник ранней поры верхнего палеолита. Таким образом, установлено наличие нового культурно-хронологического пласта. В нем были зафиксированы искусственная сортировка костей, серия ям со вбитыми костями, найдены антропоморфная лопаточка из ребра мамонта и новое уникальное произведение первобытного искусства – изображение двух обнажённых женских фигур, вырезанное на плитке мела. Фигуры вписаны в треугольник, обращённый вершиной вниз. Изображение выполнено в реалистической манере, традиционной для этой эпохи. Женщины стоят плечом к плечу; головы, руки и голени ног отсутствуют. Тыльная сторона плитки без реалистической проработки – она заглажена и разделена продольной бороздкой на две половины, соответствующие фигурам. Плитка была разбита древними обитателями Хотылёво на несколько фрагментов. Они залегали небольшим скоплением в культур-

ном слое стоянки рядом с округлой в плане ямой, заполнение которой содержало большое количество костей мамонта и охры. Подобная иконография женского образа зафиксирована в мелкой пластике впервые. Все женские фигурки, найденные ранее при раскопках Хотылево-2 Ф.М. Заверняевым, были вырезаны из бивня мамонта.

В Хотылёво, по сути, не пропущен ни один археологический этап. Не прекращалась хозяйственная жизнь на этой территории и в эпоху средневековья. Для Хотылевской агломерации наиболее подходит центр небольшой сельской округи – погост, позднее, возможно, частновладельческое село.

Причина устойчивого поселения в разные археологические периоды людей с разными типами хозяйства и отношений с природой заключается, вероятнее всего, в водоразделе нескольких рек в нескольких км к югу от Хотылёво, местонахождение оказывалось как бы внутри развалки крупных магистральных путей, но не в глухомани, имея при крайней важности быстрый "выход" на них.

Памятники конца верхнего палеолита на территории Брянского района были обнаружены и в районе д. Бетово, их исследовал ленинградский археолог Л.М. Тарасов. Он вскрыл скопления кремниевых орудий: нуклеусов, обработанных пластин, отщепов, а также остатки очагов, обложенных кремневыми болванками. Можно предположить, что здесь были не только временные поселения, но и "мастерские" по изготовлению орудий охоты.

Памятники мезолита менее изучены. Несколько стоянок были открыты, и частично раскопаны К.М. Поликарповичем и В.Н. Левенком в районе д. Елисевиичи и д. Комягино. Обработанный кремль здесь залегает на глубине до одного метра. На комягинских стоянках найдены примитивные кремневые топоры, свидетельствующие о начале обработки древесины. Открытые мезолитические памятники различны и в культурном, и в хронологическом отношении.

На территории села Елисевиичи находятся остатки нескольких поселений древнекаменного века. В основном культурном слое изучены остатки пяти сложных костно-земляных сооружений с использованием костей мамонта (возможно - небольших жилищ), скопления углистой массы ("зольники"), очаги, а так же следы древних мерзлотных трещин. Здесь найдены разнообразные кремневые орудия (в основном резцы, гораздо меньше проколов, скребков, острий, пластинок с притупленным краем) и отходы их производства. Собрана и богатая коллекция костяных изделий - костей с нарезками, проколов, лошил, землекопалок, наконечников копий. Имеется костяной кинжал. Жемчужиной коллекции являются женская статуэтка из мамонтового бивня и пластины - "чуринги" из того же материала. Мнения ученых об их назначении расходятся: их считают изображениями рыб, необъяснимыми культовыми предметами. Не исключено, что на одной из пластин выгравирована одна из древнейших схематических карт - на ней полукруглые нарезки могут обозначать жилища, волнистый участок - реку Судость, на берегу которой находилась стоянка. Датируется этот памятник временем 15 000-18 000 лет назад. На стоянке в 1935 г. была сделана еще одна находка общемирового значения - самые древние останки одомашненной собаки, известные мировой науке. Характерные отверстия, сделанные человеком для извлечения собачьего мозга, дают возможность говорить, что

этот череп использовался в каком-либо ритуале. На это же показывают и следы порезов на черепе. Радиоизотопный анализ ископаемой костной ткани показал, что и человек, и собака, ели одну и ту же пищу - мясо мамонта. Самостоятельно собака добыть гигантское животное не могла, что показывает ее одомашненность человеком. По реконструкции останков можно сказать, что древняя собака была очень широко- и короткомордой, что является основным критерием различия волка и собаки. По степени выраженности этого признака собака из Елисеевичей 1 может быть предком кавказских овчарок, мастифов, маламутов. Ее высота в холке составляла около 70 см. Охотники на мамонтов нуждались в крупных помощниках, и сознательно поддерживали крупные размеры собак.

Верхний культурный слой стоянки Елисеевичи 1 по всей видимости относится к периоду 12 000-15 000 лет назад, он более беден находками.

Неподалеку Л.В. Греховой открыта и исследована стоянка Елисеевичи 2, на которой обнаружены остатки костно-земляного сооружения из костей мамонта, следы вечной мерзлоты и изделия из камня и кости. Наиболее интересен изготовленный из бивня мамонта орнаментированный "жезл" с отверстием, вероятно представляющий собой выпрямитель древков стрел.

На территории Брянского района имеется немало больших и малых курганных могильников, оставленных древнерусским населением.

Курган в д. Елисеевичи высотой 2,2 метра, диаметром 12 метров расположен в самой верхней части склона безымянной балки. Насыпь опажана со всех сторон. Невдалеке имеется курганный могильник X-XIII веков. Он расположен между краем поля, дорогой и склоном безымянной балки и был обследован в 1984 году. Могильник насчитывал 53 округлых кургана высотой от 0,2 до 1,8 метров (сейчас просматривается около 30). Пять курганов повреждены. Северная часть могильника, вероятно, распахана. По внешним признакам могильник можно отнести к древнерусским.

Археологические раскопки в районе деревни Елисеевичи продолжаются до сих пор. Главный вывод, сделанный археологами, - территорию современного Брянского района населяли, в основном, племена радимичей. В Елисеевичах нашли женское погребение с украшениями. Дело в том, что у язычников-славян был распространён обряд кремации и все украшения превращались в комочки плавленного металла. Потом украшения стали класть сверху. Такое захоронение и удалось найти в Елисеевичах. Были найдены останки девочки, явно сожжённой. Прах покоился в горшочке или берестяном туеске, а сверху были положены сердоликовые бусы.

Интересно и мужское захоронение средней сохранности. Мужчина был примерно 30-летнего возраста, на правом колене скелета была обнаружена фигурная рамчатая пряжка из медного сплава и два медных кольца, что позволяет отнести его к племени радимичей. В насыпи была встречена круговая керамика. При исследовании околокурганного пространства обнаружилось 8 кованых гвоздей и донце кругового сосуда. Дальнейшие раскопы Елисеевской курганной группы могут дать представления об этническом облике Брянского ополья в IX – X вв.

Изученные археологические памятники, находящиеся на территории Брянского района, представляют подлинно научный интерес не только для российского, но и мирового научного сообщества, помогают раскрывать древнейшую историю нашей Родины. Есть веские основания считать, что Русская равнина являлась тем регионом, где формировались некоторые новые технологии обработки камня и производства орудий труда, иными словами, происходило становление познепалеолитических индустрий.

Несомненно, что археологические работы требуют своего дальнейшего продолжения, а находки - систематизации и изучения. Хотелось бы, чтобы они шире были представлены и в историко-краеведческом музее Брянского района.

К сожалению, на территории района нет такого музейного комплекса под открытым небом, как, например, в Юдиново.

Жилища, домашняя утварь, быт и нравы Брянцев в X-XV веках

Характеристику традиционно-бытовой культуры и образа жизни брянского населения следует начать с поселений и жилищ. Феодалы проживали либо в городах - столицах княжеств, либо в детинцах малых городов. В Брянске им являлась Покровская гора. Это была небольшая кольцевая крепость на возникшем в X в. поселении в урочище «Чашин Курган». Бояре и старшие дружинники проживали в «окольном» городе, на посаде находились жилища купцов и ремесленников.

Загородные усадьбы феодалов располагались на крутых высоких холмах с небольшой по размерам круглой площадкой (Воробейня, Горислово), на которых раньше располагались славянские городища.

Усадьбы строились на ровной местности, на краю поймы, со всех сторон окружались деревоземляным валом. Крепостные башни были только над въездными воротами, «врезанными» в валы. Иногда в валы встраивались деревянные сторожевые башни - «сторожи», «костры», «вежи».

Рядовое население Брянского края жило и в городах, и в селах, в частично заглубленных в землю домах. Печи топились по-черному, дым выходил через оконце либо просто через дверь. Лишь в детинце Вщижа обнаружены остатки печей с дымоходами, сложенными из плинфы. Обстановка внутри домов была скудной - деревянные или земляные лавки для сна вдоль стен, столы и сундуки для утвари. «Мебель» княжеских и боярских теремов отличалась лишь богатством отделки. Для покрытия изнутри бревенчатых стен использовались привозные восточные ковры. В простых домах их заменяли грубоотканые половики и рушники. Подушки и одеяла были в домах богатых, бедные обходились овчинами, либо тулупами. Дома освещались деревянными лучинами, вставлявшимися в специальные железные кованые светцы, иногда многорожковые. Использовались и глиняные плошки с какой-либо горючей жидкостью и пеньковым фитилем. Свечи были большой ценностью и использовались в церквях. Из глины и дерева делалась повседневная кухонная и столовая посуда - горшки, миски, кувшины, ковши, чаши. Мед и вино хранили в специаль-

ных больших глиняных сосудах типа греческих амфор - корчагах. Металлическая, бронзовая, серебряная и стеклянная посуда была большой редкостью, изготовлялась за рубежом. Они встречены лишь во Вщиже и на посаде в урочище «Чашин Курган» в Брянске. Еще более редким предметом были вилки. Ложки были распространены повсеместно. В рацион Брянцев X-XV вв. входили различные каши, хлеб, блины и другие печеные изделия из ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, бобов, гороха и т. д.; свежие, вареные, пареные и соленые овощи: капуста, репа, редька, лук, огурцы, чеснок. Разводили коров, свиней, овец и коз, кур, гусей, уток и голубей. Вместо сахара использовали мед. «Мед стоялый» был хмельным напитком.

В состав домашнего инвентаря входили предметы универсального характера: топоры, которые можно использовать и в бою, и в плотницком деле; рогатины («рожна»), способные остановить как медведя, так и рыцарского коня.

Костюм горожан и крестьян состоял из обычно некрашеной рубахи (льняной, полотняной, холщовой или суконной), одевавшейся через голову. Рубаха застегивалась обычно одной металлической пуговкой на шее. Их часто находят при раскопках брянских курганов. Рубахи имели длину до колен, рукава без застежек. При работе рукава «засучивали» или скрепляли разного рода браслетами (у женщин), которых найдено на Брянщине великое множество. Их материал и форма различались у разных племен и социальных слоев.

Верхняя одежда делалась из домотканого сукна, кожи, изредка - из зарубежных тканей - «паволок» и «аксамитов», с вышитым шелковыми, золотыми или серебряными нитями рисунком. Само сукно было ярким (красным, зеленым, желтым), но одноцветным, за исключением вставок из более дорогих тканей. Окраски тканей местными натуральными красителями была достаточно распространена. Верхняя одежда позднее получила название «свита». Женская одежда была более длинной. Поверх «свит», а у бедняков - и просто рубах, накидывались плащи разного покроя. Вотолы (рабочие и дорожные плащи) были обычно темного, неброского цвета. «Порты» (штаны) были принадлежностью только мужского костюма, делались в основном из «пестряди», полосатой или клетчатой материи. Обувь, и горожан, и крестьян в X-XV вв. была в основном кожаной, хотя были и недолговечные лыковые лапти. Наиболее распространенными у горожан были сапоги, па арабским источникам - древняя «национальная» славянская обувь. Надевались они поверх шерстяных носков - «копытец» или онучей.

Верхняя зимняя одежда и мужчин, и женщин шилась из овчины шерстью внутрь и называлась «кожух». Парадной одеждой были шубы (хотя само слово «шуба» появляется где-то в XIV в.). Зимними (а у князей и летними, парадными) были меховые, крытые материей шапки. И у князей, и у княгинь они были низкими, полукруглыми, отороченными соболями. Известны также высокие островерхие шапки типа колпака. Женщины покрывали головы разного рода платками, капюшонами плащей-вотол, а княгини поверх них - шапками, знаками своего достоинства.

Девушки на распущенные или заплетенные в косу волосы надевали матерчатую или металлическую (у северян) повязку - очелье, скреплявшуюся на

затылке. К ней на ремешках или лентах крепились височные кольца. Замужние горожанки покрывали голову тонкой тканью, ниспадавшей на плечи и закрепленной диадемой, позднее разившейся в кокошник. Крестьянки носили головной убор из луба, обшитого материей (типа позднейшей кички), а поверх него - платок-убрус. К этим головным уборам также крепились височные кольца, а у горожанок - цепочки из медальонов или колты.

Самой разнообразной деталью женского костюма было ожерелье, состоявшее из металлических разных форм привесок, стеклянных и каменных бус.

Пояс имел особое, зачастую ритуальное значение. У мужчин он был символом чести, лишить пояса - значило обесчестить. Женщины чаще носили пояса не на виду, а на рубахе - сорочице, под верхней одеждой. К ним крепились ключи - именно женщина была хозяйкой дома (но не семьи!). Мужские пояса представляли собой узкие кожаные ремни с разнообразными - железными и бронзовыми - пряжками, которые находят почти во всех мужских захоронениях в Брянском крае.

Карманов в одежде Брянцев X-XV вв. не было, различные предметы, в том числе деньги, носились либо в привязных кошельках, либо подвешивались прямо к поясу на ремешках с колечками.

В X в. в обиходе жителей Брянщины имели обращение хождение арабские серебряные монеты - дирхемы. В Подесенье они поступали в основном из Средней Азии. На Брянщине найдено несколько кладов дирхемов X в., в основном в бассейне р. Снов. С середины XII по середину XIV вв., в эпоху раздробленности брянских земель, в качестве крупных денег обращались плитки-гривны весом около 100 г (позже их стали называть рублями). Все клады гривен-рублей найдены в округе Стародуба, в боярских усадьбах. Реальными разменными монетами могли быть в XII-XIII вв. грузики от веретена - пряслица, изготовленные из розового или красно-бордового шифера, разработки которого были под г. Овручем в Киевском княжестве. Пряслица, имеющие одинаковый вес и форму, с отверстием в центре, были удобны для переноски (на шнурке). В эпоху Брянского княжества их постоянно заменяли дешевые беличьи шкурки, а также серебряные чешские монеты - гроши, клад которых, датируемый началом XIV в., был найден в с. Овстуг Жуковского района. Деньги, как и другое движимое и недвижимое имущество передавались как по мужской, так и по женской линии, что свидетельствует о более почетном положении женщины в Древней Руси и Литве, чем на Руси московской. Но участие женщин в политической жизни не поощрялось, их местом должен был быть, прежде всего, дом. В то же время женщины являлись активными создателями духовной культуры народа, особенно в формировании различных праздничных, календарных, семейных, бытовых обрядов, в развитии песенной и танцевальной культуры.

Музыкальная культура Древней Руси была весьма развита и носила светский характер. Бродячими профессиональными музыкантами, исполнителями сенок, плясок и т.д. были скоморохи. В княжеских гридницах звучали песни и былины бродячих сказителей, музыкантов и певцов - «боянов»-гуслиаров. Из всего разнообразия инструментов эпохи средневековья на Брянщине до нас дошли костяные детали флейты (Стародуб) и железный варган (Брянск XIII в.).

По данным этнографии, «флейта Пана» (кувиклы) является самым древним из сохранившихся до недавнего времени в быту жителей Брянщины (с. Дорожово) народных музыкальных инструментов.

Духовная культура религиозных и светских верхов брянского общества известна меньше, чем народная. Особенно это касается литературы. Полулегендарный Боян был, вероятнее всего, придворным певцом киевских князей XI в. и вряд ли имел какое-либо отношение к Трубчевску, где ему установлен памятник, хотя в летописи есть упоминание о том, что вдова Бояна продала земли в окрестностях Трубчевска. Не исключено, что Софоний Рязанец (возможно, Резанец) - автор протографа «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», был брянским боярином. Имеется достаточно обоснованное мнение о существовании в Брянском княжестве первой половины XIV в. собственного летописания в виде небольшой по объему местной хроники. Она не сохранилась в подлиннике, но вошла в Смоленскую летопись 1108 г.

В X-XV вв. была характерна любовь к праздникам. В это время происходило постепенное проникновение христианских нравственных норм и обычаев в сознание и быт широких масс населения, но языческие пережитки сохранялись еще очень долго. Возник сплав особенностей «национальных характеров» пяти-шести славянских племен и народов. Это позволило брянцам избежать в общественном познании XIV-XV вв. отождествления только своих земель с «Русью». В Брянской и во всей Северной земле господствовало более широкое понимание русских земель - везде, где говорят по-русски и исповедуют православие, невзирая на политические границы.

Брянцы в Куликовской битве

8 сентября 1380 года на Куликовом поле объединенные силы русских под предводительством Дмитрия Ивановича Московского разгромили огромную монголо-татарскую армию. В сражении, изменившем ход русской истории, принимали участие и брянцы, хотя Брянский край в конце 1350-х годов был захвачен литовцами и входил в состав Литовского княжества.

Великой освободительной битве посвящено несколько взаимосвязанных литературных произведений: «Задонщина» - лирический отклик на славную победу; «Сказание о Мамаевом побоище» - центральный памятник Куликовского цикла; две летописные повести: краткая и пространная, которые называются «О побоище на Дону и о том, как великий князь бился с Ордою»

В «Задонщине» нет последовательного рассказа о Куликовской битве, автор передает эмоциональную оценку сражения, выражает свои чувства и мысли, вызванные победой над Мамаем. «Сказание о Мамаевом побоище» содержит самый детальный рассказ о событиях Куликовской битвы. Оно донесло до нас много подробностей: поединок Пересвета с ордынским исполином, обмен Дмитрия Ивановича одеждой и конем с боярином Бренком и др. Только из «Сказания о Мамаевом побоище» мы знаем, что судьбу сражения решил засадный полк. Но, наряду с историческими фактами в «Сказании» есть и легенды. В летописи «О побоище на Дону» (Новгородская 4) о самой битве расска-

зано сжато, зато много места уделено событиям после битвы. Именно там говорится об участии братьев Дмитрия и Андрея Ольгердовичей в этой битве на стороне московского князя.

Все произведения упоминают Александра Пересвета, брянского боярина. В «Задонщине» Пересвета поле битвы обращается к великому князю Дмитрию Ивановичу с патриотическими словами: «Лутчи бы нам потятыми быть, нежели полоненными от поганных». Автор «Задонщины» показывает, как преобразуется Пересвет во время битвы, он уже не чернец (монах), а смелый воин: «Хоробрый Пересвет доскакивает на своем вещем сивце».

В «Сказании о Мамаевом побоище» с Пересветом связано три эпизода. Великий князь Московский просит у игумена Троицкого монастыря Сергия Радонежского двух иноков - Александра Пересвета и Андрея Ослябю, «известных ратников в сражении, знаменитых наездников». Второй эпизод раскрывает подвиг Пересвета - его богатырский поединок с татарским великаном. «Выехал злой печенег из великого полку татарского, показывая свое мужество перед всеми». Из русских рядов выступил Пересвет и сказал: «Этот человек ищет равного себе, я хочу встретиться с ним». «И ударившася крепко копии, едва место не проломися под ними, и спаде оба с коней на землю и скончашеся». После битвы Дмитрий Иванович объезжает Куликово поле и находит среди павших Пересвета. Великий князь называет его «починальником и пособником, победившим великого, сильного, злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную чашу».

Тело Пересвета было перевезено в Москву и погребено в Симоновом монастыре.

В третьем издании Большой Советской Энциклопедии говорится: «Пересвет Александр, герой Куликовской битвы, монах Троице-Сергиева монастыря, до пострижения Брянский (по другой версии, любечский) боярин». Эта «другая версия» принадлежит одному из переписчиков «Сказания о Мамаевом побоище», которое дошло до нас более чем в ста списках. В самом раннем произведении о битве - «Задонщине» - Пересвет назван брянским боярином. Так же именует его летописная пространная повесть и многие списки «Сказания о Мамаевом побоище». Брянским боярином называет Пересвета и Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского».

Вместе с Александром Пересветом в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» показан и его брат, возможно, по монастырской жизни, Андрей Ослябя с сыном Яковом.

Участником Куликовской битвы был и Дмитрий Ольгердович Брянский. На службу к Московскому князю он перешел зимой 1379-1380 года, когда войска Дмитрия Ивановича «воевали литовские города и волости» и взяли Трубчевск и Стародуб. (В 1356 году, воспользовавшись ослаблением Руси, литовский князь Ольгерд подчинил Брянское княжество).

«Князь же Дмитрей Ольгердович не ста противу на бои, но выиде из града со своею княгинею, з детми и з бояры и иде на Москву к великому князю Дмитрею Ивановичи; князь же велики прият его с любовию и дасть ему град Переяславь».

И «Задонщина», и «Сказание о Мамаевом побоище» выделяют Ольгердовичей, Дмитрия Брянского и его брата Андрея Полоцкого.

Автор «Задонщины» дает им восторженную характеристику: «Сынове храбрии, кречати в ратном времени, ведоми полководцы, под трубами и под шеломами возлеяны в Литовской земли». Они выступают защитниками Русской земли. Дмитрий Брянский призывает брата «не пощадити живота (жизни) своего за землю Русскую и за веру христианскую».

Ольгердовичам приписывает автор «Сказания» идею о переходе для сражения с Мамаем через Дон, чтобы не было «ни у кого ни единого помышления об отступлении». Устами Дмитрия Брянского и Андрея Полоцкого дается высокая оценка русского войска перед боем; «Не было прежде нас, ни при нас, ни после нас не будет так хорошо устроенного воинства».

Кроме А. Пересвета и князей Дмитрия, Андрея и, возможно, Глеба, в битве участвовали и отмечены в произведениях о Куликовской битве боярин Михаил Андреевич Бренок, который поменялся с великим князем Дмитрием Донским одеждою, конем, и который погиб под княжеским знаменем. Кроме того, героем народной сказки «Про Мамаю безбожного» является Захария Тютчев, родоначальник всех Тютчевых. Незадолго до Куликовской битвы он был послан Дмитрием Донским в Орду. В переговорах с ханом, требовавшим больше дани, хитрый и храбрый Захария бесстрашно отстаивал достоинство великого князя. На обратном пути он даже не побоялся разорвать охранную грамоту хана и отослал ее обрывки в орду. Молва о смелом поступке Захарии принесла ему столь широкую известность, что он стал героем сказки.

В «Московском летописном своде конца XV века» говорится об участии брянцев в битве: «Еще же к этому времени поспешили литовские Ольгердовичи, князь Андрей Полоцкий с псковичами и брат его князь Дмитрии Дебрянский с силою Дебрянскою». Новгородская IV и Софийская I летописи эта запись дана по-разному: «Дмитреи Брянский со всеми мужи» и «Дмитреи Ольгердович Брянский со всею брянскою силою». Следовательно, «брянская сила» сражалась с Мамаем.

Издравле связанный с древнерусскими землями Брянский край и после захвата его Литвой в 1350-е годы тяготел к Москве. Он сохранял с ней религиозные связи, Литва же была языческой. К тому же Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, старшие сыновья, не признавали в это время права младшего брата Ягайлы на великое княжение.

Все произведения о Куликовской битве показывают мужество и героизм русских воинов, а значит, и брянцев, которые участвовали в сражении.

Летописная повесть отмечает, что русские перед боем одевают праздничную одежду и что каждый воин «своего супротивника искаше победит». В «Задонщине» русские воины сравниваются с соколами, орлами. «Сказание о Мамаевом побоище» показывает, что русские удалыцы, русские богатыри пришли на поле боя с мыслью о подвиге: «Многие сыны русские возрадовались радостью великою при виде своего ожидаемого подвига, которого они еще на Руси желали». В ночь перед сражением в татарском лагере «стук велик, и клич, и вопль», в русском же - «тихость велика» без шума и крика готовятся

русские воины к бою. Они «крепко бьющиеся неослабно, един за единого, друг за друга хотяше умерети». В жестокой, кровопролитной битве русские чести себе добыли и славного имени.

Вся последующая художественная литература о Куликовской битве использует образ Александра Пересвета: воин-инок стал великим образом героизма.

Ряд исследователей древнерусской литературы долгое время автором «Задонщины» считали Софония, брянского боярина. Это утверждение спорно.

Быт и социальное устройство на Брянщине в XVI – XVII веках

Быт русского крестьянина и горожанина изменялся очень медленно и мало. К XVII веку русский традиционный дом, сложившийся в древности, оставался все той же однокомнатной постройкой с маленькими окнами, затянутыми бычьим пузырем или материей, пропитанной в конопляном масле. Внутри дома значительное место занимала печь, топившаяся по-черному. Сельский дом дворянина отличался только немного большими размерами. Иногда городской дом строился из камня. Стены делались толстыми - до двух метров. Нижняя полуподземная часть ними - подклет - имела сводчатые потолки. В потолке были железные кольца для подвешивания продовольствия. Верхняя часть дома украшалась лепными дверными и оконными наличниками, художественно выполненными решетками. Такими были редкие дома очень зажиточных людей.

Главной мебелью в доме был стол и лавки. На полках хранилась деревянная и глиняная посуда, в богатых домах была посуда из стекла. В больших сундуках лежало различное добро: одежда, скатерти, полотенца. Отдельно складывалось приданое на свадьбу дочери. Наиболее ценной частью обстановки были иконы, висевшие в «красном» углу.

Дверь из дома вела в сени - неотопливаемое помещение, сделанное обычно не из бревен, а из досок или прутьев. В сенях хранили различные орудия труда, часть хозяйственных запасов.

В целом жилой дом представлял собой либо избу (на севере и востоке нынешней Брянщины), либо хату - на и юго-западе. Крыша у избы двускатная, у хаты - четырехскатная. Хата делалась нередко из столбов, между которыми укладывались бревна или жерди. Вся постройка обмазывалась глиной. Дверь из сеней вела во двор. По сравнению с XIV-XV вв. количество надворных построек у крестьян и горожан выросло. Это говорит о росте благосостояния населения. Во дворах стояли амбары, сараи, клетки, бани. Торговые люди устраивали при доме склады для товаров. У ремесленника было специальное помещение для работы. При доме располагался огород.

Мир вещей состоял основном из деревянных или глиняных предметов. Железные изделия были сравнительно редкими. Из них делали рабочие части орудий труда, оружие.

До XVI в. в России в ходе освоения территорий возникали новые деревни в один-два двора. Теперь количество дворов в сельских населенных пунктах выросло до 10 - 20. Были села и в несколько десятков дворов, как, например,

Супонево, принадлежавшее Свинскому монастырю. Если село застраивалось вдоль дороги или по берегу реки, усадьбы крестьян располагались в одну линию. Заметного порядка в планировке поселения не было. Только в XVII в. стала появляться уличная планировка сел. Заметным строением в селе была церковь. При церкви стояли дворы церковнослужителей.

Города имели более однотипную застройку. В XVI-XVII вв. продолжала существовать система застройки городов, сложившаяся древности. В центре города стояла крепость. От крепости расходились дороги. Вдоль этих дорог возникали улицы. Улицы отделялись друг от друга огородами, ручьями, оврагами. Слободы были заселены людьми одного рода службы. Известны Стрелецкие, Пушкарские, Затинные, Казацкие, Солдатским, Ямские слободы в Брянске, Карачеве, Севске. По ночам улицы не освещались и не были замощены.

Стены брянской крепости были сделаны из дуба и покрыты тесом. В крепости было 9 башен, две из них имели ворота для входа в крепость. Во второй половине XVII в. к старой крепости была сделана пристройка из нескольких башен с воротами.

В Брянске, Севске, Стародубе было много церквей, большинство из них было выстроено из дерева в традиционном для XVI-XVII вв. шатровом стиле. Такие каменные шатры сохранил в своем архитектурном стиле Спасо-Преображенский монастырь около Севска. Посреди Стародуба и в наши дни стоит Рождественский собор, поставленный в XVII в. Он состоит как бы из трех больших и широких башен, прилепившихся друг к другу. Так строились храмы на Украине. Здание украшалось выступающими из стен деталями. Каждую башню венчает купол. Со временем украшений на церквях становилось все больше - приближалась эпоха причудливого, нарядного стиля барокко. В облике церквей Брянщины сочетались черты русского и украинского искусства.

В центре города на площади располагался рынок, самое оживленное место в городе. Лавки на рынке стояли рядами. В ряду торговали определенным набором товаров: рыбным, мясным, галантерейным. Рядом с рынком находился гостиный двор для заезжих купцов.

Одежда рядовых жителей края также изменилась мало. Жители сел и городов носили рубахи из домотканой материи. Зимой носили одежду из овчины. Обувь была в основном кожаной, в некоторых случаях обували лапти.

Обычная жизнь, как в городе, так и в селе начиналась рано. Еще до рассвета женщины вставали, чтобы отправить скотину в общее стадо. Завтрака в современном на представлении не было, ели остатки вчерашней пищи. Потом начиналась работа в поле или мастерской. В обед семья собиралась вместе. Мужчины садились обедать, женщины им прислуживали. Затем весь дом погружался в сон. Спали часа два. Потом снова возобновлялась работа до вечера. После ужина семья ложилась спать.

Праздничные дни вносили разнообразие в привычный распорядок. Семья шла в церковь, выходила смотреть на игры молодежи. Многие игры носили древний, языческий характер. Гостей принимали на пиршество, которое происходило днем до вечера.

Духовные потребности населения удовлетворяло чтение религиозных

книг, богослужение. Каждая церковь, каждый монастырь имели хотя бы минимальное собрание богослужебных книг. Вместе с переселенцами-старообрядцами в юго-западных уездах Брянщины появлялись рукописные и печатные книги. Некоторые из них вышли из типографии Ивана Федорова.

Большое значение имело песенное творчество. Некоторые дошедшие до нас песни отразили события, черты быта в русском пограничье, в частности, землях Севска. В некоторых песнях отразились впечатления народа от Смутного времени. В них высмеивались люди, которые из выгоды и наживы легко перебежали от одного лагеря к другому. Песенному творчеству сродни были половицы и поговорки. Из среды, враждебной Лжедмитрию I, вышли, например, поговорки севчан, комаричан.

Как и прежде, в народе бытовали старинные обрядовые песни, связанные с событиями в семье. Укрепление семьи, усложнение свадебных обрядов рождало и новые песни.

Свадьбы длились по несколько дней, и каждому из них соответствовали определенные обычаи. С песнями и обрядами проходили сельскохозяйственные работы, особенно сев и уборка урожая.

Быт жителей юго-западных уездов России отличался сохранением многих старинных черт. Это объясняется тем, что значительные районы этого края были изолированы густыми лесами от больших торговых дорог и городов, от центральной и местной власти.

Восстание Емельяна Чернодыра. «Брасовская республика»

До первой половины 18 века крестьяне Комаринской волости были дворянами. Государевы люди взымали с них установленные повинности и не имели полной власти над крестьянами. Крепостничество докатилось до этих земель и полностью тут утвердилось в течение 18 века. Свободолюбивые комаричане, еще не забывшие былую вольницу, бунтовали.

В 1749 году восстали крестьяне в имении П.Г. Чернышова. Среди наиболее активных были жители деревни Нижняя Кубань Максим Крюков, села Дерюгино Максим Васильев, писарь из села Лугань Григорий Бородин, распространявшие между крестьян слух, что будто бы имеется указ о передаче земель Чернышова в дворцовое ведомство. Руководителями восставших были крестьяне деревни Кокино Иван Башкирцев, села Бычки Иона Михайлов, села Хлебтово Семен Кислов. Наибольшего размаха восстание достигло в июне 1749 года. В это время крестьяне до трех тысяч человек с ружьями, шпагами, рогатинами и дубьем остановили работу на Литижском, Лупандинском и Крапивинском винокурных заводах захватили около 150 тонн зерна и около 10000 литров вина, а целовальников побили и разогнали. Затем восставшие пошли в слободу Бабинец, где находился дом бурмистра Семена Свинцова и, разломав заборы, вырубив дверь в сенях и двери и окна в доме его избивали до полусмерти. Дворы Свинцова и его родственников были разграблены, а имущество разделено между крестьянами. После чего крестьяне пошли "многочисленным" в село Ра-

догощ, где избили управителя В. Поршина. Восстание было довольно организованным, в нем участвовали крестьяне 26 деревень Чернышовской вотчины. Крестьяне имели договор, все что возьмут "к разделу сносить в одно место". Восставшие "вместо определенных управителей, старост и десятских, во всей вотчине в правительство определили от себя". К середине июля 1749 года восстание было подавлено воинскими частями. Около тысячи крестьян подверглись наказанию плетьюми и батогами, а Башкирцев и другие лидеры после наказания кнутом "без всякой пощады", содержались в Севской тюрьме.

В июне 1775 года в вотчине графини Чернышовой стал распространяться слух, что будто бы имеется указ об отписании земель Чернышовой к дворцовым волостям. Активно распространяли его крестьяне Алеутей Макаров из села Хлебтово, Семен Волчанков из села Быхтово, Андрей Семенов из села Бочарово. В результате многие крестьяне отказали в плате государевых и господарских податей и в отправлении при винокуренных заводах установленных для них работ и отказали в воске, хлебе и дровах. Но помещичьей администрации удалось выявить организаторов волнений и предотвратить развитие восстания. Крестьянские лидеры, а так же многие другие жители села Быхтово, где волнения были наиболее активны, подверглись жестокому телесному наказанию.

Массовое крестьянское движение начало набирать силу к концу века, подбадриваемое усилением крепостничества. В 1795-1796 гг. упорно отказывались признавать власть С.С. Апраксина украинские семьи, жившие в деревне Шемякина Гута, работавшие там, на стекольном заводе. Из селений Погарского уезда в 1795 году бежало более полутора тысяч человек. Более полугода, с весны до осени 1796 года продолжались волнения дворцовых крестьян в Севском уезде сел Сенное, Погребы, Залипаево, Юшино, Княгинино, однодворцев слободы Коростовка и села Марицкий Хутор, вызванных бесчинствами волостного головы Сюраина.

В последнее десятилетие 18 века воздухе отчетливо "пахло жареным" и это чувствовали и сами помещики, но остановится, не могли. Все понимали, что равновесие становится все более и более шатким, и нарушить его может любая малость. Канцлер Безбородко, который недавно получил в этих краях огромное поместье и, боясь за свое новое приобретение в специальном письме орловскому губернатору Квашнину-Самарину сообщая о необходимости проведения процедуры приведения крестьян к присяге взошедшему на престол Павлу I, писал:

"...Предосторожность ты все же имей, так как территория вверенного тебе наместничества не свободна от исторических упреков. Прими во внимание территорию бывшей Комарицкой волости, упраздненной бывшей императрицей. У нас на Руси, пожалуй, нет места, не подвергнутого бунту, но бунт комарицких поселян в российской истории весьма приметный..."

Далее он советует принять срочные меры для предупреждения возможного бунта. Должны быть наготове войска, полиция, тюрьмы. К присяге приводить крестьян только в воскресенье и праздничные дни и то по одному приходу для избежания скопления народа, присяга должна проходить без присутствия помещика, а так же без телесного наказания.

26 ноября 1796 года в деревне Ивановой, после принесения присяги, крестьяне на сходке приняли приговор о том, что они с этого дня являются уже не крепостными графа Апраксина, а казенными, что поэтому они больше не будут работать на своего прежнего владельца, и приняли решение послать ходоков к царю, с просьбой перечислить их из помещичьих в разряд государственных крестьян. Этот приговор был написан Федором Савельевичем Савенковым - одним из лидеров восстания. Во главе же движения стал Емельян Михайлович Чернодыр, житель деревни Ивановой, крепостной рабочий винокуренного завода. Из этой деревни многие другие крестьяне работали на винокуренном заводе.

26 декабря Емельян Чернодыр, Федор Савенков, Андрей Кузин, Степан Ястребенков, Конон Терентьев отправили сочиненную ими челобитную в Санкт Петербург, послав ее с Андреем Кузиным и Кононом Терентьевым. Крестьяне деревни Иваново поддержали это предложение, собрав для ходоков 35 рублей.

6 января 1797 года в деревне Ивановой состоялся сход, на котором присутствовало более 200 крестьян из окрестных сел. По предложению Е.М. Чернодыра было решено, всем отправится в Брасово, чтобы объявить управляющему Мусорину (который послал в Иванову людей для ареста челобитчиков), что крестьяне после присяги императору не принадлежат уже своему помещику, что они, поэтому не будут больше работать на винокуренных заводах и вообще отказываются от выполнения всякой барщины. Отсюда видно, что восстание было направлено не только на некоторое улучшение положения крестьян в связи с желанием перейти в разряд государственных крестьян, а, главным образом, на уничтожение крепостного права.

Приняв такое решение, восставшие, вооружившись топорами, вилами, косам, кольями, дубинами, пиками, а некоторые и огнестрельным оружием, двинулись в Брасово. По пути к ним присоединялись крестьяне села Аркино во главе с Ефимом Потаповым, деревни Сныткиной и других сел. Отряд повстанцев в 800 человек во главе с Е.М. Чернодыром и Ф.С. Савенковым 6 января 1797 года занял центр апраксинского имения - село Брасово. Управляющий и другие представители властей бежали в город Севск.

Восстание апраксинских крестьян всколыхнуло голицынских и других крестьян. И здесь подняли борьбу вначале крепостные рабочие винокуренных заводов под предводительством Ивана Максимовича Куркина, жителя села Дерюгино и Ивана Щербака из деревни Пигарево и Ивана Крюкова. На эти заводы, принадлежавшие Голицыной, уже не раз приезжали представители апраксинских крестьян, призывая их на совместную борьбу. На Кокоревский винокуренный завод 16 января прибыли Иван Щербаков и Егор Кулаков. Почва была уже готова, завод остановили, и рабочие двинулись в село Радогощь - центральную усадьбу имения Голицыной. По пути к восставшим присоединились рабочие кожевенного завода, а так же плотники, пильщики, столяры и крестьяне из села Кокоревки.

В селе Кокоревке восставшими была разбита контора кожевенного завода, все кабальные акты были сожжены, а деньги в количестве 6 мешков медных и 4 рубля серебряных обращены на нужды восставших. При занятии села Радо-

гощь некоторые барские постройки были также разбиты, в том числе тюрьма, барская казна была конфискована. И.М. Куркин приказал арестовать наиболее жестоких слугителей экономии посадить под караул. Над управляющим С. Свинцовым, не успевшим бежать, был устроен суд, приговоривший его к смерти. Смертной казни были преданы так же староста Я. Горбатов и сотский Л. Данилов.

Вслед за апраксинскими и голицынскими крестьянами на борьбу поднялись 170 крестьян села Алексеевки, 500 крестьян села Алешенки, крестьяне сел Салтановки, Вздружного, Просысова и деревень Сытенки, Трубчевского уезда, деревень Литовни, Жуковой и Вороновой Брянского уезда, в количестве 180 человек и т.д. В Брянском уезде в восстании принимали участие крестьяне 25 помещиков.

Из всех восстаний, которыми были охвачены 32 губернии царской России, восстание Чернодыра было самым крупным как по району действия, так и по количеству участников, по силе сопротивления, продолжительности и своим последствиям. По неполным данным в восстании приняло участие 18 сел и 20 деревень, более 13000 крепостных крестьян. Только в Брасово и Радогощи восставших насчитывалось около 5 тысяч. Восстание все ширилось, охватывая все новые населенные пункты.

В Брасово и Радогощи была создана новая крестьянская власть во главе с Е. Чернодыром, Ф. Савенковым, М. Ельниковым, И. Куркиным и другими крестьянскими лидерами. В период восстания крестьяне обрели политические свободы, уничтожили барщину и оброки и перераспределили земли на новых началах. В районе восстания правительственные органы власть свергались, чиновники изгонялись или арестовывались.

По указанию Е. Чернодыра были закрыты Локотской, Силинский, Холмецкий, Кокоревский и другие винокуренные заводы, их имущество опечатано (печатью служила медная гривна), а денежные средства использованы на нужды восставших.

По отношению к помещикам был принят следующий приговор: "А ежели-де те господари, кои по придиричivosti и изьяну дерзкие на руку и до избияния мужиков охочие, тех в огне сожигати, а по натуре робких, без восхождения во грехи великия, из поместий изгоняти".

Восставшие добивались уничтожения крепостного права, ликвидации помещичьего землевладения путем изгнания всех владельцев с их земель. Они требовали, чтобы крестьяне получили свободу, получили достаточное количество земли, необходимое для обеспечения всех их потребностей, а остальная земля должна перейти в распоряжение казны и обрабатываться на договорных началах, на условиях свободного найма с каждодневной оплатой либо натурой, либо деньгами.

Руководители направляли в села гонцов, которые призывали крестьян не платить оброков, бросать барщину и идти на помощь восставшим в Брасово и Радогощь.

Крестьяне понимали, что им придется иметь дело с правительственными войсками, поэтому были приняты меры к обороне опорных пунктов, как путем

численного увеличения их, так и путем организации специальных военных отрядов. С этой целью учреждался "Совет отважных" из 200 человек под руководством Михаила Ельникова. Были организованы отряды по 50 человек, которые выставлялись по большакам и местам, где могли проходить правительственные войска, а в Брасово и Радогощи несли караульную службу.

В период восстания ярко проявилась солидарность. Когда крестьяне села Андросова, Дмитриевского уезда, Курской губернии, расправились со своим помещиком, то брасовцы предоставили им кров, пищу и защиту от грозящей расправы. Поэтому был принят специальный приговор: "Проживать андросовским мужикам до установления повсеместной воли в пристройках и служебных избах господарей и их дворовой челяди, а на пропитание оных отпускать из господских закровов и амбаров по десяти пудов на семью ржи и пшеницы, по два пуда пшена и круп, а молока безмерно, картофеля по шматку повседневно, окромя постных среды и пятницы".

Здесь видна не только солидарность, но и цель борьбы - "до установления повсеместной воли". Эта цель видна и в другом приговоре крестьян, где говорилось, что все винокуренные заводы закрыты, опечатаны и обеспечено "нераспитие спиртных напитков до изгнания господарей по всей Руси".

Конечно, не один Безбородько предчувствовал надвигающиеся волнения и помнил о комарицких бунтах прошлого. Правительство Павла I отменило рекрутский набор с 10 ноября 1796 года, а хлебный сбор на армию заменило денежным. Пытаясь мелкими уступками сбить волнения, Павел I указом от 12 декабря 1796 года разрешил крестьянам подавать жалобы. До этого это было категорически запрещено. И жалобы хлынули широким потоком. Вслед за этим Павел I подписал указ о не продаже дворовых людей и безземельных крестьян с молотка за долги. Все это не возымело заметного действия.

На местах орловский губернатор Квашнин-Самарин пытался разрешить ситуацию мирным путем, посылав два раза к восставшим делегации. А 22 января прибыл сам в сопровождении Ахтырского гусарского полка под командование генерала Линдера. Первоначально он пытался усмирить радогощцев, которые были более радикальны в своих выступлениях. Выстроив полк на площади села в присутствии 1300 крестьян, губернатор выступил с грозной речью, пытаясь запугать восставших. Однако крестьяне заявили ему, что они подали царю прошение о перечислении их в разряд государственных крестьян и т.к. оно еще не дошло, поэтому губернатор им не указ и вообще он и его полк подкуплены помещицей. Что они повиноваться помещикам не станут, хоть все погибнут в бою. В заключение напомнили, что их требования справедливы, т.к. не одни они восстали, а и апраксинцы и многие другие. Тогда губернатор приказал войскам занять винокуренный завод, и освободить арестованных и приготовиться к бою. Произошла схватка и полк гусар, потеряв двух убитыми, отступил.

Важным моментом в отпоре войскам явилась желанье крестьян сохранить арестованных беглых крестьян. В то время масса крестьян бежала от своих работодателей. Они бежали на Дон, Кавказ и другие вольные степи. Многие помещики, обещая "лучшую жизнь", принимали этих беглых крестьян и использовали как дешевую рабочую силу, несмотря на преследования правительства

за это. Были такие беглые крестьяне и в имении Голицыной. Вот почему при занятии Радогощи восставшие посадили беглых крестьян под арест, как доказательство преступности управляющего и графини перед правительством. Этим объясняется столь мужественное сопротивление войскам, пытавшимся взять беглых крестьян и вывести их за пределы имения и тем самым снять веские улики компрометирующие графиню. Вот их имена: Лукьян Михайлов из Бугского Егерского корпуса, Алексей Федоров дворовый человек, Тарас Григорьев из Захарова, Осип Максимов из Лобаново, Григорий Васильев из с. Кривчикова Кромского уезда, Федор Захаров из д. Букреевой Курского уезда, Иван Иванеринакович Иванов из с. Ущерпье Мглинского уезда, Данило Вутинович Меркулов из с. Вестославль Ставропольского уезда Кавказского наместничества.

После этого губернатор в Брасово уже не сунулся, а послал туда письмо с требованием прекратить бунт. На что получил ответ: "Пока не получим от его императорского величества указа, потоль не в какие работы не вступим, а мы ожидаем от своих посланных известия, кои пошли в Петербург, и, не видя их своими глазами, ничему не поверим". Губернатор отправил донесение императору, в котором просил срочно прислать новые войска. Генерал-прокурор Куракин сообщил, что Павел I распорядился выслать еще полк для наказания неповиновения, по жалобам на Голицыну и Апраксина обещает разобраться, потребовал обратить внимание на исправление злоупотреблений вотчинных начальников, по поводу срыва поставки вина из-за восстания приказал исключить имена Голицыной и Апраксина из реестра поставщиков без взыскания с них неустойки.

Помещики были в ужасе и страхе, ругали губернатора Квашнина-Самарина почем зря. За нерешительность он был снят с должности.

Не помог властям и манифест, изданный 29 января 1797 года, призывавший всех и каждого "к законам и власти повиновению", чтобы крестьяне "спокойно пребывали в прежнем их звании, были послушны помещикам своим в оброках, работали и, словом, всякого рода крестьянских повинностях, под опасением за преслушание и своеволие неизбежного по строгости законной наказания".

Конечно, попытка нового орловского губернатора Воейкова покончить с восстанием прочтением такого манифеста результата не дала. Прекратить борьбу можно было только отменой крепостного права, или военным путем.

Приказом от 30 января 1797 года Павел I направляет в орловскую губернию генерал-майора Линдера с неограниченными полномочиями, передав ему в подчинения все местные войска и переведя Орловскую губернию на военное положение и предоставив ему дополнительно выделенные крупные военные силы. Вместе с этим для руководства карательной операцией сюда направлялся фельдмаршал князь Репнин.

10-го февраля, вновь назначенный Орловским губернатором и получивший в связи с этим чин действительного статского советника Воейков, не дождавшись Рижского полка под командованием Горчакова, с полком пехоты, кавалерии и артиллерии под командованием генерала Линдера окружил Радогощь. Перед этим И. Куркин разослал приказ по селам о срочной помощи радо-

гощам. Только из Жадино шло 110 человек, шла помощь и из других сел. Однако село уже было окружено и восставшие подкрепления не получили. Начался штурм с применением артиллерии. Загорелся барский дом, где засела главная масса восставших, контора, хлебный магазин и дворы жителей. Сгорело 50 домов, много было убито и ранено, а остальные взяты в плен.

12 февраля в район восстания прибыл фельдмаршал Репнин вместе с Рижским полком.

Восставшие в Брасово, узнав о падении Радогощи, не сложили оружия. Е. Чернодыр разослал гонцов, но получилось то же, что и в Радогощи. Репнин послал в Брасово с манифестом, призывая сдаться, на что Ф. Савенков ответил: "Если фельдмаршал налицо и действительно желает видеть нас, то пусть сам пожалует к нам в гости". Тогда Репнин приказал выступить на Брасово с предосторожностью, полной боеготовностью, строго организованно.

В 12 часов 15 минут 13 февраля Брасово было окружено двумя полками пехоты и кавалерии с 24 пушками под командованием генералов Линдера и Горчакова во главе с фельдмаршалом Репниным и губернатором. После отказа сдаться начался штурм. Осажденные с криком: "Стреляй! Стреляй! Умрем все в месте!" бросились на полк Линдера, забросав его рогатинами и камнями. Не выдержав натиска, гусары бежали. Два солдата получили ранения, а сам генерал - сильный удар в спину поленом. После этого осажденные попытались напасть на полк Горчакова. Репнин приказал стрелять картечью. Несмотря на выстрелы, крестьяне не побежали, а неоднократно бросались на солдатский строй, но, встретив сильный ружейный и артиллерийский огонь, отступили. Штурм длился более двух часов. По осажденным было произведено 33 выстрела из орудий и свыше 600 из ружей, в результате чего было убито 34 человека, 86 ранено, сгорело 16 домов, а остальные были взяты в плен.

Начались расправы. 14 февраля в Брасово были собраны все крестьяне, принимавшие участие в восстании. Многие тут же были наказаны кнутами и розгами.

17 февраля полками Линдера и Горчакова было штурмом взято село Алешенки, а на следующий день крестьяне села были жестоко наказаны розгами.

Лично сам орловский губернатор с двумя эскадронами ездил в деревню Иванову, где "истребил до основания при нарочно собранных для того 400 крестьян" дом Емельяна Чернодыра.

Убитые крестьяне по приказу Репнина были преданы поруганию, а затем зарыты в общую яму вдали от кладбища за крепостной стеной на восток от села. Из кирпича был поставлен пирамидальной формы столб у основания 2 метра 13 сантиметров, и до 4-х метров 27-и сантиметров в высоту с надписью: "Здесь лежат преступники против бога, государя и помещика, справедливо наказанные огнем и кнутом по закону божию и государеву". Столб был разобран около 1860 года.

217 наиболее активных крестьян были преданы суду, который 3 апреля 1797 года вынес приговор: Емельяна Чернодыра, Федора Савенкова, Ивана Куркина, Ивана Щербакова, Степана Бухорина, Ефима Костина "наказывать нещадно кнутом в Орле 25-ю да на месте 75-ю ударами и, вырвав ноздри и по-

ставя штемпельные знаки, сослать вечно в каторжную работу"; 4 человека - по 75 ударов с вырезанием ноздрей и с высылкой на каторгу; 12 человек - по 50 ударов с отправкой на каторгу; 30 человек - по 25 ударов; 75 человек жестоко наказаны плетью. В последней группе был отец Емельяна Чернодыра Федор, ему вменялось, что "при начале злых предприятий, сыном его, не посоветовал ему отстать и не отвращал его от того злодейства". Остальным 90 осужденным наказание было заменено отбыванием заключения в тюрьме во время следствия. Савенков, Ястребенков, Зубов, Бухорин, Желдыбин, Игнатъев, Драгунов не перенесли наказания, умерли. 89 человек были засечены в тюрьме во время следствия.

Наталья Петровна Голицына успела уехать из Радогощи 7 января 1797 года как раз накануне присоединения к восстанию крестьян ее имения. После восстания она никогда не предпринимала попыток восстановить поместье, и, судя по документам, больше сюда никогда не приезжала, не смотря на то, что в Брасово и Радогощи после восстания был расквартирован кирасирский полк для предотвращения возможного нового выступления.

Несмотря на поражение, это восстание произвело глубокое впечатление в Санкт Петербурге и вошло в историю как *ПЕРВЫЙ* удар по крепостничеству. Через два дня после суда над восставшими, а именно 5 апреля 1797 года Павел I издал указ "О трехдневной барщине". "Повелеваем всем и каждому наблюдать, дабы никто и не под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских изделий остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение хозяйственным надобностям". Этот указ хоть и носил рекомендательный характер, но все-таки он был, и император в этом расписался. Несмотря на эту первую трещину крепостничество было в расцвете. В этом же время Павел I раздал только в Севском уезде около 11 тысяч крепостных. В основном офицерам гвардейских полков и павловским сановникам. В уезде появилось сразу 56 новых помещиков. Земельные раздачи происходили так, что населенный пункт оказывался разделенным между двумя или несколькими владельцами. Такого рода пожалования составляли три четверти от Павловских земельных раздач. Именно так произошло в Любощи в этом же апреле, пока крестьяне находились под впечатлением от жестоких расправ с жителями соседних деревень. Иногда в удельном поместье одна треть крестьян отдавалась помещику, а остальные оставались за Дворцовым ведомством.

Быт и народная культура в XVIII веке

В XVIII в. изменения в культуре и быту происходили по воле правительства. Новые традиции распространялись сверху и вширь: от узкого придворного круга к широким слоям населения. Поэтому все резче проявлялись различия между культурой верхов и бытом и культурой крестьян и горожан.

Изменения происходили в устройстве сельского и городского жилища.

Более явно стали различаться два типа домов: изба на севере и северо-востоке современной Брянской области и хата на юге и юго-западе. В старообрядческих поселениях ставили высокие дома с большим подземным помещением. Внешний вид и планировка таких домов резко отличали старообрядческие села и посады от соседних селений.

Дома крестьян были сравнительно небольшими. Жилища зажиточных крестьян отличались только большей добротностью и количеством хозяйственных построек во дворе. В городе жилище становилось все более сложным по конструкции: избу соединяли сенями, с не отапливаемым помещением - клетью, или одну избу с другой. В богатых городских домах к концу века появились внутренние перегородки, возникали комнаты. Каждое помещение имело свое назначение. От жилого помещения обособилась кухня. В городских жилищах стали делать вторые и третьи этажи, из-за распространения стекла появились большие окна, которые украшали резными наличниками. В разных местах преобладали разные узоры: на востоке - в виде растений, геометрических фигур, птиц; на западе и юго-западе - в виде фигур зверей, птиц, геометрических орнаментов, на юге - в виде геометрических фигур. Дерево, чаще всего сосна, использовалось вместе с камнем. Кирпичных жилых домов было очень мало.

Внутри дома большое место занимали печь, дым от которой по-прежнему выходил прямо в жилое помещение, а из него через специальные окошки - на улицу. Когда топилась такая печь, семья выходила из дома. В XVIII в. в городах распространялись новые печи с дымоходами. Самыми ценными вещами в доме были иконы, висевшие в красном углу. В богатых и богомольных семьях их могло быть больше двух десятков. В городах появилась подвижная мебель: стулья, столы, сундуки, кровати. Появилась посуда из олова, стекла, меди. С конца XVIII в. типичным предметом в быту стал самовар.

Менялся облик городов и сел, возникали новые селения, росло количество дворов в них. Этому способствовал переход от подворной системы сбора налогов к подушевой. В связи с раздачами земли помещикам в селах появились дома, в которых располагались вотчинные правления. В крупных селах, стоявших на больших оживленных дорогах, важной частью становили рыночные площади. В таких селах росло число торговых лавок, винокуренных заводов, принадлежавших помещикам.

Во второй половине XVIII в. была проведена перепланировка Брянска. Город потерял прежнее военное значение, старая крепость разрушилась. По другую сторону оврага от старого центра был устроен новый центр города с регулярной планировкой, как в Петербурге. Дома ставились в одну линию, ширина улицы повсюду была одинаковой. Улицы тянулись строго параллельно или перпендикулярно по отношению друг к другу. Центром Брянска стала Красная площадь с административными зданиями на ней.

Изменился и внешний вид людей. Особенно это чувствовалось в праздничном костюме зажиточного горожанина. Поверх рубашки одевали камзол, игравший роль жилета, но с рукавами, а поверх него - кафтан. На ногах были «немецкие» башмаки, в руках - трость. Женская одежда менялась медленнее, в ней еще оставалось много традиционного со времен древней Руси.

Крестьяне не расставались ни с привычной одеждой, ни с прической, ни с бородой. В быту и культуре сельских жителей сохранялись многие черты очень древнего происхождения: обряды, песни, представления об окружающем мире.

Традиционная народная или крестьянская культура Брянщины в XVIII в. дополнилась некоторыми новыми песенными произведениями, новыми темами: рекрутского набора, солдатской службы, барщинного хозяйства, взаимоотношений барина и мужика. Широко стала известна «Камаринская». Многие исследователи связывали эту песню с событиями начала XVII в., подразумевали под барином Бориса Годунова, который как будто бы завладел Комарицкой волостью. Возможно «Камаринская» и не менее известная «Барыня» были частями одного и того же шуточного представления. Время рождения «Камаринской» относится к XVIII в., когда в Комарицкой волости широко раздавались земли помещикам.

В XVIII в. на территории нынешней Брянщины были распространены украинские и белорусские песни. Здесь происходило взаимовлияние устного поэтического творчества трех родственных народов. В других русских губерниях такие песни были неизвестны. Были распространены украинские обычаи, сопровождавшие даты церковного календаря. Например, группы детей ходили по домам со звездой в руках в день Рождества. За небольшое вознаграждение хозяев дети пели духовные стихи, составленные на смеси русского и украинского языков.

Брянский край в мемуарной литературе XVIII века

Писатель-мемуарист Григорий Степанович Винский родился в 1752 году в Почепе в семье мелкопоместного украинского дворянина. Четырех лет лишился отца, воспитывался в доме отчима, в Баклани. Грамоте Винского сначала учил дьяк, затем - домашние учителя, в 1762 году отправлен в коллегию в Чернигов, затем пять лет учился в Киеве, в духовной академии. После возвращения из Киева совершенствовал свои знания по французскому языку в частной гимназии в Стародубе.

На восемнадцатом году жизни приехал в Петербург и поступил на военную службу в Измайловский полк. Воспитанный у монахов, он попал в гвардию и чувствовал себя «самым несчастнейшим творением». Винский со стыдом признается, что все четыре года службы был «худым служивым», потому что испытывал отвращение и к службе, и к деспотизму в армии. «Требовалось только опрятно одеваться, проворно вертеться, раболепнейше повинаться... Нравственность же не наблюдается совсем ни в одном полку». Под влиянием земляков стал вести разгульный образ жизни и скоро остался в одном мундире. За неоплаченный долг два года сидел в тюрьме. Мать помогла освободиться из заключения и получить офицерский чин.

Академия заронила все-таки в его душу любовь к книге. Когда представлялась возможность, он с «крайнею жадностью» читал Вольтера, Ж. Ж. Руссо. В 1774 году Винский уходит со службы. Но от прежних привычек еще долго не мог освободиться: во время посещения Почепа в 1776 году вел буйную, пьяную

жизнь. Вот как он описывает эту жизнь: «Всегда праздные, часто пьяные, не воспрещаемые ни в каких шалостях, мы скоро стали страшны городу». В монастыре под Почепом они учинили настоящее побоище. Скоро его дом, мельница, вся худоба (скот, скарб) перешли к другому.

В следующем году возвратился в Петербург. Свою жизнь в это время он называет ничтожной, не изменила его и женитьба. По обвинению в подделке закладной Винский попал в Петропавловскую крепость, четырнадцать месяцев просидел в одиночной камере и по вынесенному без суда приговору был лишен прав состояния и сослан в Оренбург.

В ссылку за ним отправилась и его молодая жена. «Неимоверный по нынешним временам поступок» - пишет Винский: шестнадцатилетняя Элеонора Карповна вырывается из рук родных и домашнем платье с семью рублями денег едет в изгнание за две с половиной тысяч верст от родного дома. Чтобы жить и содержать семью, Винский вынужден два года служить секретарем откупщика. Знание французского языка помогает ему получить место домашнего учителя. А чтобы учить, он вынужден сам обратиться к книгам. Книги оживили его и окончательно утвердили в нем человеческое. Там началось его нравственное возрождение. Ненасытная страсть к чтению сделала Винского одним из начитаннейших людей своего времени. Его переводы (рукописные) были известны в Симбирске, Казани, в Сибири.

Более двенадцати лет Винский провел в Уфе. С 1808 года он жил в городе Бузулуке. В 1819 году Винский составил «Проект военной экспедиции в Хиву (столицу Хивинского ханства в Средней Азии) для обеспечения охраны торговых путей России». Очевидно, в этом году Винский и скончался.

Свои мемуары Винский стал писать в 1813 году. Повествование своей жизни он довел до 1793 года.

Приблизительно в 1820 году записки Винского попали к известному общественному деятелю, историку, писателю А. И. Тургеневу. «Я, - писал Тургенев, прочел в одни сутки записки Винского. Я не мог оторваться от книги». В ней он увидел «верную картину русского быта». Публикация записок в цензурной печати в это время была невозможна. Только в 1877 году они увидели свет в журнале «Русский архив», но издатель их П. И. Бартенев изъясил из них несколько «крамольных страниц». Не попали эти страницы и в отдельное издание Записок в 1914 году, подготовленное П. Е. Щеголевым. Тургенев восхищался мемуарами Винского. «Мы, - писал он, - должны дорожить этою верною картиною старого быта русского: кто иной передаст нам его, особливо в низшем или среднем слое общества, в коем жил, гнил и погибал Винский.». Тонко подмечено своеобразие записок: «Винскому удается то, авторам мемуаров удается довольно редко: они дают читателю ощущение живой русской жизни той эпохи». Современники отмечали оригинальность записок Винского, дарование их автора, оценивали их как «один из самых любопытных и замечательных памятников русской мемуарной литературы».

Записки Винского поражают читателя необыкновенной правдивостью, он не только не скрывает собственных заблуждений, но судит себя более строго,

чем окружающее общество. Этим Винский отличается почти от всех других мемуаристов своего времени.

Мемуары Винского начинаются словами: «Родился я в малороссийском городке Почепе, от родителей, ежели не знаменитейших и богатейших, то от самых здоровых и молодых».

Из самых ранних впечатлений детства Винский описывает поездку в Баклань: «На пятом или шестом году моего века, еду из Почепа в Баклань, при захождении солнца, спускалася наша поозка с небольшого бугорка к реке Судости. От солнечных лучей, скользящих, что теперь знаю, по гладкой поверхности воды, казалась она огненною; через нее летело несколько сорок в лес ночевать. Глядя на все сие, я не знаю от чего, стало мне очень грустно. Сия картина и теперь еще так жива в моей памяти, что я, кажется, мог бы ее нарисовать. С того времени воззрение на заходящее солнце всегда в душе моей производит уныние».

Описывает мемуарист и свою «буйную» почепскую жизнь в 1776 году, когда он приехал на родину: «Всегда праздные, часто пьяные, не воспрещаемые ни в каких шалостях, они (Винский с друзьями) скоро стали страшны всему городу». В монастыре под Почепом они учинили «настоящее побоище».

В живых картинах показывает Винский обучение и воспитание детей в XVIII веке. Учиться грамоте он начинает в Баклани у дьяка, но не помнит, чему и как учил дьяк, но помнит, что он «часто и больно секал» его, особенно по субботам. Это «глупо-варварское обыкновение, - пишет Винский, - было в употреблении почти во всех приходских школах, по причине дьяку некоторого доходишка». В записках выделена небольшая главка «Малороссийская суббота». После вечерни все ученики собирались в школу и, стоя, ожидали учителя-дьяка. Его приветствовали хором: «Мир тебе, благий учитель наш!» Он на это отвечал: «Треба секты вас». И начиналась экзекуция. Дети, матери которых почаще присылали дьяку подарки, «получали удары по платью, а бедняки, или у кого матери скупы, расплачивались голыми задами».

К порке прибегали и домашние учителя, и родители. «Наказания случались ежедневно». Первый домашний учитель запомнился мальчику тем, что он был охотник стрелять, удить рыбу, ловить птичек, и тем, «что он был крайне зол и нас секал без милости». Второй учитель «нрава был тихого», и Винский его душевно любил». С ним он изучил латинский язык.

Винский много размышляет о значении и путях обучения и воспитания (главки «Иноземец не может воспитывать», «Воспитание принадлежит родителям» и др.). Он считает, что первые пятнадцать лет жизни человека должны быть основой всей последующей жизни его. Исходя «из многих собственных опытов, - утверждает Винский, - знаю, как трудно, ежели не совершенно невозможно, быть истинно добрым, когда в юных летах не обсеменено сердце добром». Винский убежден, что воспитание принадлежит родителям, что иноземец не может воспитывать и что ему можно позволить только «научение».

Винский понимал противоречивый характер своего века. Он отметил и то положительное, чем могло гордиться XVIII столетие: Россия становилась могущественным государством, развивались культура и литература. С другой

стороны, он видел показной характер законов, произвол властей, незащитность человека, Винский не был ослеплен блеском правления Екатерины II, он глубоко постиг ее мнимый либерализм. В изображении Екатерины Винский близок к Радищеву. Екатерина «вздумала народ свой занять, ослепить и Европе бросить несколько в глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми, новыми, ежели не законами, то учреждениями».

Действительные привилегии получило от Екатерины дворянство, которые получили полную власть над крепостными. Дворянские собрания составляла «благородная чернь» - поместное дворянство, с трудом выучившееся читать и писать. Поэтому во всех собраниях дворянства, кроме нелепостей, споров о пустяках и ссор, никогда ни одно дельное дело предлагаемо не было». Действительно же благородные лица «или правительством под разными видами устранимы, или заглушаемы кликом черни».

С поощрения Екатерины чужеземцы проникают во все учреждения, получают чины, дворянские звания, занимают государственные должности. В результате этого в дворянских домах умы и сердца русских детей отдают учителям-иностранцам, преимущественно французам.

В своих записках Винский проявляет религиозное вольномыслие. Очень резко говорит он о служителях культа: «Проклятая поповщина! Где ты не злочинствовала?». Многие высказывания Винского носят антиклерикальный характер, хотя атеистом он никогда не был. Он гневно осуждает служителей культа, которые ради получения доходишка используют наказание, осуждает заевшихся попов. Он протестует не против церкви, а против отдельных служителей культа.

Вообще, для Винского самовластие и суеверие – «древнейшего рода человеческие враги, от них идут оковы рабствования».

Сравнивая свои качества с характерными чертами человека своего класса, Винский дает уничтожающую характеристику владельцев крепостных душ: «Я не навяз мучать несчастных слуг, глядеть покойно на брызги их крови, слушать хладнокровно их вопли, не трогаться их стопами, видеть их голодными, холодными и всегда готовых забавлять своих мучителей».

Бесправное положение крепостных делает их бессловесными рабами и поощряет «зверство их властелинов». Дом Матюкина, например, Винский считает не худшим домом, но «и в сем доме за малейшие проступки, часто по одному своенравию госпожи, лилась кровь несчастных», потому что «перед господином, что ступил, то и провинился». Кроме истязаний телесных, было принято и издевательство духовное: разлучали семьи, продавая разным людям, комнатных девушек, полюбивших кого-либо, выдавали замуж за уродов.

Умные и правдивые записки Винского позволили выяснить подлинную, а не официальную историю России 18 века. Многие идеи, вдохновлявшие Радищева, разделял и Винский. Он глубоко постиг мнимый либерализм Екатерины, осудил жестокость крепостников-помещиков, бездуховность служителей церкви, требовал равенства законов для всех сословий. С прогрессивных позиций Винский решает проблему образования и воспитания, морали и нравственности. Несомненно его писательское дарование. Все это позволяет отнести «Мое время» к замечательным созданиям мемуарной литературы начала 19 века.

«Истинные воспоминания» Г.И. Добрынина

Гавриил Иванович Добрынин, автор созданного в конце XVIII - начале XIX века «Истинного повествования», - один из самых прогрессивных и талантливых мемуаристов этого периода.

Родился Добрынин в 1752 году в семье священника села Радогож Орловской губернии (ныне Радогощь Комаричского района Брянской области). Лишившись в пятилетнем возрасте отца, он жил у деда-монаха: его мать после смерти мужа ушла в монастырь. Дед и научил внука читать и писать. «Народных училищ, - отмечает Добрынин в записках, - тогда не было в России; из семинарий самая близкая в пятистах верстах, то есть в Москве... А университеты и гимназии не для нас». Затем - певчий, подьяк, келейник (служба), секретарь севского архиерея. В 1777 году, когда ему было двадцать пять лет, вместе с товарищем он ушел из родных мест искать настоящей службы. Вся дальнейшая его жизнь связана с Могилевом и Витебском. Чиновничью службу он начал канцеляристом и закончил прокурором.

Но обессмертил себя Добрынин своими мемуарами, над которыми он работал с 1787 года по 1823 год. В 1824 году Добрынин скончался.

Полностью «Истинное повествование» впервые появляется в 1871 году в журнале «Русская старина». Отдельное издание мемуаров, исправленное и выверенное по подлиннику, подготовлено М. Семевским и вышло в 1872 году. В книге Добрынина более 350 страниц.

«Истинное повествование» получило высокую оценку почти всех писавших о нем. Литературная газета «Голос» писала: «Добрынин обладал несомненным авторским талантом, одно из существенных качеств которого заключалось в тонком и добродушном юморе». А журналист М. Семеревский писал, что многие страницы записок напоминают картины великого художника Гоголя.

Отрицал значение «Истинного повествования» только историк русской церкви П. В. Знаменский. Но неприятие Знаменским мемуаров Добрынина понятно: в них показаны темные стороны жизни русского духовенства.

Изображение духовенства, той среды, в которой Добрынин находился до ухода из Севска, занимает большое место в «Истинном повествовании».

Очень ярко нарисован в мемуарах образ севского архиерея Флиоринского. У него острый ум, он хорошо владеет латинским и французским языками, имеет «страстную охоту до черных работ» - кирпич и известь обжигать и пр. Но у него крутой и свирепый нрав: во время службы «иному бороду подожжет (подсвечником), другому клочок волос вырвет, иному кулаком даст в зубы, иного пхнет ногой в брюхо. Все сие делает он при чрезвычайном на всю церковь крике бранными словами»

В течение трех лет от его «святительских рук» бежало девять служителей. Дьячка Захария, написавшего на него жалобу, он приказал посадить на цепь и отдал в солдаты. Но встретив нападение более сильного, архиерей спасается бегством. Так он поступает, когда пьяный помещик Сафонов в своем доме схватил его за клобук и крикнул: «Собак!».

Пять лет Флиоринский был священником при русском поселе в Париже и вернулся оттуда «французом». По приказанию архиерея все окружающие его в священнодействии молодые люди причесаны на французский манер. Соблюдение «порядка и чистоты парижской» не мешает, однако, Флиоринскому забрать из монастырской библиотеки редкую книгу, «очистить» (обобрать украшение) икону.

Все праздники, торжества, встречи в этой среде сопровождались дикими пьянками. Именины Флиоринского длились несколько дней, поэтому гости «поневоле были совершенно духовными, ибо телесные их лица потеряли образ свой и подобие». Во время именин брянский протопоп Константинов «получил горячку и в беспамятстве забежал на архиерейскую конюшню». Священник из Карачева, свидетель этой сцены, самому Флиоринскому объясняет ее так: «Вот чего, владыко святой, науки доводят человека! Отец протопоп брянский, не возмогши их вместить во главу свою, исступи ума»

Попойки часто заканчивались скандалами. В доме трубчевского воеводы Колюбакина пьяный архиерей назвал хозяина свиньей и выплеснул ему в глаза бокал пива. Воевода ударом кулака свалил Флиоринского наземь. Добрынин так комментирует это событие: «Преосвященный, посетив Трубчевск, дал ему свое благословение, а сам получил таковое от Колюбакина»

Не менее колоритна и фигура управляющего Глуховским монастырем епископа Анатолия Мелеса. Он только тогда «истрезвился, перестал палить из мортир, обулся в сапоги, умылся, расчесал волосы и бороду, оделся в рясу», когда по доносу иеромонаха явилась комиссия. Мелес обратился за помощью к Флиоринскому, повалился ему в ноги, возглашая: «Наставниче! Спаси мя (меня), погибаю!» А Флиоринский ему в ответ: «Дурак! Почто усомнился еси? Меня велено судить за взятки, за грабежи церковные... да я не робею» и сочинил Мелесу ответы на вопросы комиссии.

Запоминается читателю и стародубский протопоп Зубрицкий - своей неповторимой бородой и фразой «Деньги! За деньги все можно достать».

Широко представлено в «Истинном повествовании» и чиновничество. Путь, которым прошел сам автор но восьми ступенькам служебной лестницы, позволил ему глубоко проникнуть и в этот мир.

Должности, чины, награды покупаются или даются по родству, поэтому канцелярии переполнены, а к делу живой души нет.

Как и духовенство, чиновники живут кутежами, попойками. Секретарь генерал-губернатора Счетнев так перепился, что и в уме помешался.

Очень редким исключением из этой среды являются образцовые, бескорыстные, не пользовавшиеся незаконными приобретениями статские советники Шишкин и П. Сумароков.

Помещикам в «Истинном повествовании» уделено немного места, но Добрынину удается создать несколько запоминающихся образов. Это в основном помещики, с которыми он встречался во время посещения их Флиоринским. Мир их интересов предельно узок: обеды, охота, женщины. Владельцы крепостных усадеб повторяют двор: у них свои капельмейстеры, кухмейстеры, балетмейстеры. В доме Фадея Тютчева вместо подсвечников - шандалы, вместо

занавесей - гардины, вместо приборов - куверты. Обед у помещика Сафонова сопровождается вокальной и инструментальной музыкой, но когда Сафонову не понравилось поведение архиерея, он собирается травить его собаками.

Брянский помещик секунд-майор Н. А. Тютчев, угощая гостей вечером в саду, зажигает до двух тысяч плошек. Начинается «страшное сражение», и только «небу единому известно, сколько здесь пролито или, лучше сказать, влито английского пива, вина, пуншу». Хозяина «понесли из сада в спальню лишенного зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания».

Карачевский помещик Касагов в 1770-е годы имел у себя гарем.

На примере автора мемуаров мы видим, что во второй половине века литература доходит и до маленьких городков. В Севске, в пятистах верстах от Москвы, во второй половине 60-х и 70-е годы Добрынин знакомится не только с творчеством соотечественников, но и зарубежных авторов.

Не связанный нормами литературных направлений второй половины XVIII-начала XIX века Добрынин пишет свои записки живой речью своего времени.

Прогрессивная направленность и художественность «Истинно-товествования» Г. И. Добрынина делают это произведение заметным явлением русской литературы.

Быт и народная культура Брянщины в XIX веке

XIX век занимает особое место в истории народной культуры в России. Еще с XVII развития столетия столичная знать стала отходить от этой культуры и ее традиций в одежде, в предметах быта, в представлениях о мире. Реформы Петра I ускорили и расширили этот процесс. В XVIII веке городские жители, особенно дворянство, испытали значительное влияние западноевропейской культуры, которая вытесняла культуру традиционную. Однако основная масса населения оставалась носителем этой культуры: крестьянство, значительная часть горожан, жившее в сельской местности провинциальное дворянство.

Почему именно XIX век стал рубежом в становлении новой культуры и отмирании старой? В связи с отменой крепостного права усилилась подвижность населения: зимой крестьяне уходили в города на заработки или навсегда переселялись из сельской местности в городские центры, купцы переезжали из города в город. Стало расти количество городских жителей. Город отрывал население от сельского хозяйства, с которым в основном и были связаны традиционные народные обряды, песни, праздники.

В Брянском крае, где не было крупных городских центров, а преобладали малые и средние города, население которых не потеряло связи с деревней, с сельскохозяйственными занятиями, процесс отмирания традиционной культуры шел несколько медленнее, чем в других районах страны.

В селах и деревнях современной территории Брянской области сохранялось много архаических, древних черт в быту крестьян и очень мало движения к новому. В июне-июле 1861 г., после освобождения, собиратель песен и ис-

следователь народного быта Павел Иванович Якушкин прошел по трубчевским, погарским и стародубским местам. В путевых письмах П.И. Якушкина есть множество интересных наблюдений о жизни крестьян этой округи. При всей своей бедности крестьяне сохраняли доброжелательность и гостеприимство, интерес ко всему новому и трудолюбие, а больше всего - великое терпение при невзгодах и трудностях.

Детей в крестьянских семьях приучали к работе с раннего возраста: «Тебе помощник, а ему - наука». Соблюдалось разделение труда: «Бабе ни косить, ни сеять хлеб, рожь, овес не приходится; ее дело капусту, картофель сажать, а сеять бабе нельзя... Пахать, боронить, жать можно...».

Основу крестьянского питания составлял хлеб. Кроме ржаной муки, в него чаще всего подмешивали разные добавки, но все равно к весне хлеб был далеко не у всех. Обычными блюдами были щи из квашеной капусты, жидкий, толченый или отварной, «со шкуркой», картофель, гречневая каша, овсяной или гороховый кисель, редька, лук с квасом. Приправами чаще всего служили конопляное масло, грибы, изредка - толченое сало. Мясо ели крайне редко, обычно - в виде солонины. Молоко чаще берегли для детей и больных. Лишь у зажиточных крестьян, имевших по 2-3 коровы, молочные продукты были повседневными. Путь П.И. Якушкина по Брянщине пришелся на первую половину лета - самое бесхлебное время. В трубчевской деревне Гнилёво его еще сумели угостить, не взяв ни копейки денег, хлебом и солью, и даже налили чашку молока. В деревнях же Любовня и Хотьяновка Трубчевского уезда пообедать с хлебом ему не удалось, молока не было тоже. Пищей местным жителям была каша из тертой недозрелой ржи, к тому же несоленая. Подспорьем для крестьян в это время бывала зелень: ботва молодой свеклы, щавель, крапива, лебеда, сныть и прочие съедобные травы. Но в самые голодные годы дети, старухи и старики шли побираться по соседним деревням.

Бедным было и крестьянское жилище. Жили крестьяне в деревянных избах, крытых соломой. Избы строились из круглых неотесанных бревен, кирпич в крестьянском хозяйстве почти не использовался. Если крестьянину удавалось скопить денег на покупку железа, он ставил в первую очередь железную крышу на амбаре. Другой исследователь крестьянского быта конца XIX в., И.М. Красноперов, писал, что кроме ножа, лемеха у сохи и топора других железных предметов не было; гвозди были деревянные.

В Стародубье Якушкин осмотрел внутреннее устройство крестьянской избы. Вход в нее шел через сени. Справа от входа стояла печь - важная часть южнорусского жилища. По диагонали от печи был кут или передний угол, где находились иконы. В избе были красные, большого размера окна, благодаря которым внутри помещения было сравнительно светло. Они пришли на смену маленьким окошечкам, еле-еле пропускавшим скудный свет. Красные окна были застеклены, а прежние, которые еще сохранялись в избе (их было чаще всего два и они играли вспомогательную роль), обычно затягивались бычьим пузырем или промасленной тряпочкой. Были и местные отличия в планировке внутренних помещений изб. «В разных местах разные и избы», - отмечал Якушкин.

Крестьянская одежда была домотканой, собственного изготовления. Только часть зажиточных крестьян позволяла себе покупать фабричные ткани.

Одежда нищенствующих крестьян поражала бедностью и грязью. Обычно же крестьянин был одет в более чистый костюм. Мужская одежда включала колпак (шапку из войлока с небольшими полями), рубашку с высоким стоячим воротником, носившуюся навыпуск, а также свитку - что-то вроде кафтана, доходившего почти до колен, или более теплую одежду - козух. На ногах были лапти или сапоги.

Женский головной убор состоял из платка и небольшой шапочки - кички, которую он прикрывал. Иной раз в погарских местах платок повязывали так, что он напоминал чалму. Женщины и девушки носили рубашки с поясом, особую юбку - понёву, которая делалась из полотнищ шерстяной материи. Понёва была чисто деревенской одеждой, в городах ее не носили, иногда надевали передник, который закрывал грудь, живот и ноги до колен.

Отбеленный холст, из которого была сделана одежда, вышивали нитками, главным образом, в два цвета: красный и черный. «Яблонкой красим в красное, в черное ольховой корой, в желтое пупавки, а то и сандалу прибавляем».

Многие сельские населенные пункты Брянщины заметно отличались друг от друга. Это было связано с тем, что в юго-западной части края распространились поселения старообрядцев. Планировка села с коренным местным населением могла напоминать звезду, представлять собой просто группу домов без четкого плана или же неровную линию. Дома в таких поселениях были сравнительно невысокими. Окна в стене прорезались после третьего венца - трех бревен в стене, положенных одно на другое. В селах же со старообрядческим населением дома обычно ставили по прямой линии. Улицы шли параллельно друг другу. Дома имели высоко устроенные окна, каменные фундаменты, большие погреба. В селеньях, которые благодаря развитию ремесла и торговли переросли в посады, на первом этаже жилого дома часто были торговые помещения. Такие дома были, например, в Злынке и Лужках. Здесь крестьянские промыслы, связанные с обработкой щетины, переросли в небольшие фабрики. Жители посадов отличались от своих соседей по более чистому русскому языку. А участие в торговле и промыслах, в работе на фабриках заставляло их повышать образование. В селах с коренным населением были широко распространены занятия ткачеством и вышивкой.

Городская культура проникала в село в виде промышленных изделий, печатной продукции, дешевых картинок, украшавших быт крестьянина. Происходило некоторое упрощение народного искусства. Так, вместо иконы сельского богомаза в рабочей и отчасти крестьянской среде распространялись иконы-картинки, отпечатанные типографским способом. Художественной ценности они не представляли. На основе народной песни в конце XIX - начале XX вв. стал развиваться жанр частушки, широко распространившийся в рабочей среде.

Брянцы в научной и культурной жизни России XIX века

Заметный вклад в развитие российской науки и техники внесли уроженцы Брянщины. Одним из крупнейших специалистов по теории упругости, трения и смазки был уроженец г. Трубчевска Николай Павлович Петров (1836-

1920). Он был избран почетным членом Академии наук и удостоен Ломоносовской премии. Высоко они были оценены и за рубежом. Н.П. Петров был также виднейшим организатором железнодорожного строительства и активным популяризатором научно-технических достижений, многие годы возглавляя Русское техническое общество.

Выдающимся специалистом в области горного дела, автором ряда работ по этим вопросам был выходец из знаменитой дворянской понуровской семьи Стародубского уезда Петр Иванович Миклашевский (1825-1889), многие годы работавший на Урале и в Сибири.

Значительным был вклад брянцев и в развитие русской медицины. Уроженец с. Радогощ Севского уезда Семен Алексеевич Смирнов (1819-1912) был первым председателем Русского бальнеологического общества, одним из редакторов «Московской медицинской газеты», видным организатором курортного дела в Железноводске и других курортах Кавказских минеральных вод. Его именем назван источник в Железноводске, дающий минеральную воду, также известную под названием «Смирновская».

Выдающимся деятелем русской медицины был Алексей Петрович Доброславин (1842-1889), родившийся в с. Дятьково в семье врача. После окончания медико-хирургической академии Алексей Петрович быстро получил все-российскую известность. Он стал создателем (в 1871 г.) и бессменным руководителем первой в российских вузах кафедры гигиены, оставил большое и очень ценное научное наследие, воспитал целую плеяду ученых-гигиенистов, основал и в течение 10 лет редактировал первый в России гигиенический журнал «Здоровье», был основателем и руководителем Всероссийского научного общества гигиенистов и санитарных врачей, а с 1875 г. - Главным гигиенистом-консультантом русской армии. Вместе с А.П. Бородиным (видный химик и великий композитор был одним из ближайших друзей А.П. Доброславина) и несколькими другими известными профессорами он стал инициатором создания первых в России Высших женских медицинских курсов, в работе которых принимал самое активное участие вплоть до их закрытия.

Выходец из стародубской купеческой семьи Николай Филиппович Толочин (1840-1908), окончил с золотой медалью Петербургскую медико-хирургическую академию. Стал одним из виднейших специалистов в области гинекологии, более трех десятков лет работал доцентом и профессором Киевского и Харьковского университетов. Был автором многих научных работ, в том числе - учебников по женским болезням, акушерству, повивальному искусству. Один из описанных им случаев врожденного порока сердца до сих пор называется болезнью Толочина.

Афанасий Семенович Рогович (1812-1878), родившийся на хуторе Роговля (Роговичи) Стародубского уезда в дворянской семье, был профессором кафедры ботаники Киевского университета. Особый интерес представляют труды А.С. Роговича по изучению местного края: Киевской, Черниговской и прилегающих губерний. Им, в частности, были собраны богатые палеонтологические коллекции и прекрасный гербарий (около 10 тысяч экземпляров), содержащий ценнейший материал для изучения растительного мира родного края.

Уроженец г. Новозыбкова Петр Яковлевич Армашевский (1851-1918) был доцентом и профессором кафедры минералогии и геологии, активно занимался геологическим изучением Черниговской, Киевской и соседних губерний, был автором многих работ по геологии.

Видным русским правоведом был сын священника из с. Медведово Стародубского уезда Василий Николаевич Лешков (1810-1881). Он был председателем Московского юридического общества, редактировал «Юридическую газету» и «Юридический листок». По инициативе В.Н. Лешкова в 1875 г. был созван первый съезд русских юристов, открывшийся его речью. Самое значительное сочинение В.Н. Лешкова - книга «Русский народ и государство» (1858), где он в противовес государственной регламентации утверждает общину, самоуправление и самодеятельность как исконные народные русские черты. Среди его работ есть и статьи, посвященные истории Стародубья.

Уроженец поселка Новые Мезиричи Суражского уезда Андрей Алексеевич Исаев (1850-1926) длительное время был профессором Петербургского университета. Его работы в области политической экономии стали главными пособиями для всех изучавших новую науку. Он был прогрессивным общественным деятелем, стремившегося поднимать в своих работах острые социальные проблемы.

Видным русским филологом был Александр Григорьевич Преображенский (1850-1918), родившийся в с. Заулье Севского уезда. Он оставил ряд интересных работ по языкознанию, создал «Этимологический словарь русского языка». А.Г. Преображенский умер и похоронен в Севске.

Долгое время был связан с прогрессивной журналистикой уроженец Карачевского уезда Василий Михайлович Соболевский (1846-1913), являвшийся редактором либеральной московской газеты «Русские ведомости». Сам В.М. Соболевский печатал публицистические статьи по внутриполитическим вопросам.

Особую гордость для Брянщины составляет творчество Ф.И. Тютчева, о и Алексея Константиновича Толстого (1817-1875).

Один из соавторов А.К. Толстого в создании образа Козьмы Пруткова был родившийся в Почепе Алексей Михайлович Жемчужников (1821-1907), самобытный поэт. В его творческом наследии представлены философская, пейзажная, любовная лирика, поэмы, а особенно заметное место в нем занимают стихотворения гражданского звучания.

Село Понуровка Стародубского уезда было родиной не только Миклашевских, но и талантливого пейзажиста, академика живописи Павла Павловича Джогина (1834-1885). Ряд его работ находится в Третьяковской галерее, Русском музее. Наиболее известны «Закат солнца», «Буря», «Вид в Дубках в окрестностях Петербурга». Обращался он и к изображению природы родных мест («Вид в Черниговской губернии»). К сожалению, жизнь и творчество художника остаются неизученными.

Выдающийся деятель музыкальной культуры, собиратель народных песен, педагог, растивший таланты из народа, Александр Иванович Рубец (1837-1913), был выходцем из старинного дворянского рода. Являясь одним из ведущих профессоров Петербургской консерватории, создателем нескольких учеб-

ников по теории музыки, составителем первого русского музыкального биографического словаря. А.И. Рубец был тесно связан со Стародубом - городом, который он горячо любил и считал своей родиной. В Стародубе, где находился принадлежавший его родителям дом, он подолгу жил, собирая народный музыкальный фольклор. Сюда он приехал, когда, потеряв зрение, оставил работу в консерватории. Здесь им были открыты бесплатные музыкальная и художественная школы, созданы хор и симфонический оркестр, многое сделано для благоустройства и культурного развития г. Стародуба. Здесь А.И. Рубец и был похоронен в ограде Вознесенской церкви.

Родом из Карачевского уезда был известный в 1860-1870-е годы оперный певец Антон Николаевич Николаев (1836-1904), обладавший большим сценическим дарованием и лирическим тенором - баритоном. Певец выступал на сцене Московского Большого театра, Петербургского Мариинского театра, гастролировал в Италии, Лондоне, Париже. А.Н. Николаев умер и похоронен в Карачеве.

В России начала XX века широко было известно имя Анастасии Дмитриевны Вяльцевой (1871-1913). Она родилась в слободе Алтухово в крестьянской семье и обладала удивительным голосом, очень чистым и выразительным. В юном возрасте, после смерти отца, Настя оказалась в Киеве, где работала в вышивальной мастерской. Позже начала выступать в оперетте, в 1897 году оказалась в московском театре «Эрмитаж». Начался период ее громкой, необычайной славы. В репертуаре певицы были романсы, арии из оперетт, народные и лирические песни, только появившиеся тогда на эстраде. Были концерты, когда ее заставляли петь на "бис" 20-30 раз, а однажды она спела помимо основной программы 52 романса! Ее даже не называли по имени, был только один титул – «Несравненная». Восторженные поклонники прямо на сцену бросали дорогие украшения; однажды с букетом цветов Вяльцевой преподнесли закладные на два петербургских дома. Певица часто ездила по стране с концертами, и везде ее ждал успех. В 1911 году она приехала в Брянск, но здесь не нашлось подходящего зала, и концерт был дан в карачевском театре «Молния». А.Д. Вяльцева оборудовала родильный приют в Алтухово. Когда певица серьезно заболела, бюллетени о состоянии ее здоровья публиковались во многих газетах. 7 февраля 1913 года А.Д. Вяльцеву хоронил весь Петербург.

С Брянщиной связана судьба Веры Игнатьевны Гедройц (1870-1931). Она родилась в селе Слободище близ Дятькова в семье литовского князя, переехавшего в Россию. Окончив Лозаннский университет, она по просьбе отца вернулась на Брянщину, и в 1901 году начала работать в небольшой больничке цементного завода. Она стала первой женщиной-хирургом в России. Во время русско-японской войны Вера Игнатьевна провела более ста серьезных хирургических операций и получила Георгиевскую серебряную медаль «За храбрость». Вернувшись на родину, в 1905 году стала главным хирургом мальцовских заводов. В 1909 году ее пригласили на работу в Царское Село в семью Николая II, Вера обучала императрицу и ее дочерей оказанию первой медицинской помощи. В качестве хирурга участвовала в Первой мировой и Гражданской войнах, была ранена. В.И. Гедройц обладала незаурядным литературным дарованием,

писала стихи и беллетристику. В советское время доктор медицинских наук В.И. Гедройц жила в Киеве, была профессором кафедры хирургии Киевского медицинского института.

Даниил Осипович Святский (1881-1940) родился в Севске в семье священника, учился в Орловской семинарии, серьезно увлекся наукой. В 1901 году открыл неизвестную ранее звезду и его приняли во Французское астрономическое общество. В 1905 году в Петербурге вышла книга Д.О. Святского «Очерк растительности Севского уезда Орловской губернии», в 1908 году - книга «Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости». Ученый принял активное участие и в политической деятельности. В 1909 году в Петербурге появилось его исследование, посвященное небесным явлениям, описанным в русских летописях. После 1917 года ученый проводил большую организаторскую работу в Центральном бюро краеведения, продолжал активно заниматься научной деятельностью. В 1930 году Д.О. Святский был арестован как участник монархического заговора, а затем оказался на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В 1932 году был освобожден, но в 1935 году снова арестован и сослан в Казахстан, где Д.О. Святский и скончался.

Очень многие здания в Брянске и Орле были построены по проектам незаурядного архитектора Николая Андреевича Лебедева (1858-1932). По окончании в 1891 году Архитектурных курсов, он получил назначение в Брянск, на должность главного архитектора завода «Арсенал». Лебедев был приверженцем классического стиля в архитектуре, пытался также следовать традициям старого русского зодчества. Сначала он работал над реконструкцией заводских зданий, но потом его талант был замечен П.С. Могилевцевым. Лебедев спроектировал здание женской гимназии на Красной площади в Брянске, торговую школу, Спасо-Гробовскую церковь и множество других зданий. Кроме классического, в постройках заметны так же признаки неорусского стиля, очень распространенного тогда в России. По заказу Могилевцевых на территории Петропавловского монастыря Лебедевым был сооружен фонтан «Самсон» - символический памятник рано умершей дочери П.С. Могилевцева. Н.А. Лебедев пользовался большим авторитетом в городе, избирался членом городской Думы.

В селе Ломаковка, под Стародубом, родился знаменитый оперный певец и педагог Константин Степанович Исаченко (1882-1959). Уже с 7 лет он пел в церковном хоре. В 1900 году познакомился с А.И. Рубцом, который давал ему уроки пения. К.С. Исаченко очень удачно исполнял романсы, но настоящим его призванием была опера. В театре Петербургского Народного дома певец исполнял заглавные партии во многих спектаклях, исполнял роль Ленского в «Евгении Онегине». С 1911 года по приглашению Сергея Дягилева Исаченко принимал участие в «Русских сезонах» в Париже, пел вместе с Ф. Шаляпиным. В годы Отечественной войны К.С. Исаченко возглавил Ансамбль песни и пляски Краснознаменного Балтийского Флота. В последние годы жизни был профессором Ленинградской консерватории.

Некоторые работы известного русского художника начала XX века Станислава Юлиановича Жуковского (1875-1944) связаны с поселком Локоть. Художник Н.А. Клодт познакомил Жуковского с женой великого князя Михаила

Александровича Натальей Сергеевной, которая увлекалась живописью. С.Ю. Жуковский посещал имение великого князя в Брасове летом 1916 и весной 1917 годов. Его привлекали возможность охоты, живописные брасовские окрестности и не менее живописный дворцово-парковый ансамбль. С. Жуковский написал в Локте несколько прекрасных картин, на которых запечатлены интерьеры местного дворца, среди них «Малая гостиная в имении Брасово», «Большая гостиная в Брасове». Есть сведения о созданных здесь пейзажных полотнах художника. Во время Второй мировой войны художник погиб в концлагере близ Варшавы, оставив потомкам около 700 картин.

За рубежом хорошо известно творчество Наума Габо (Наума Абрамовича Певзнера) (1890-1977), уроженца Брянска, известного художника-авангардиста. Его работы есть во многих музеях Западной Европы и Америки. В 1904 году он был исключен из брянской школы за не слишком любезные стихи в адрес директора, в 1907 году ненадолго арестовывался за участие в распространении нелегальной литературы среди рабочих и крестьян. Тогда появились его первые работы. Чтобы отличить себя от брата Антуана, тоже художника, он взял псевдоним Габо. Как и все авангардное искусство, произведения Габо во многом неожиданны - он представлял публике своеобразные конструкции из геометрических фигур. В 1922 году Габо выехал за границу для организации отдела абстрактного искусства на Русской выставке в Германии. К тому времени он был широко известен. В 1946 году Габо переехал в Соединенные Штаты. В СССР он приезжал только раз - в 1962 году. Наум Габо был лауреатом многочисленных премий в области искусства, членом академии искусств многих стран. Среди его работ - картины, рисунки, скульптуры, архитектурные сооружения. Произведения обоих братьев Габо можно увидеть в экспозиции Третьяковской галереи.

В 1985 году на Брянщине состоялось первое исполнение музыкальных произведений Николая Андреевича Рославца (1881-1944). Он родился в селе Душатин Суражского района. С ранних лет он самостоятельно выучился играть на скрипке. В 21 год он отправился в Москву поступать в консерваторию. Помимо сочинения музыки, Н. Рославец занимался преподавательской работой. Среди его учеников - известные композиторы Д. Покрасс, К. Листов и другие. Рославец редактировал журнал «Музыкальная культура», был редактором в Радиокомитете. Жизнь Николая Рославца сложилась трагично. Он неоднократно подвергался резкой критике, обвинялся в «антидемократизме», его творчество объявлялось «продуктом гниения буржуазного общества». В этих условиях композитор добровольно отказался от новаторских идей.

В последнее время интерес к творчеству Н. Рославца и Н. Габо растет. На Брянщине регулярно проводятся фестивали современного искусства их имени, в которых принимают участие известные деятели культуры из разных стран.

Монастырская и церковная жизнь на Брянщине

Религия играла огромную роль в жизни брянского общества. Ритуалы крещения, свадеб, отпевания покойных, посещение храмов в праздничные дни, соблюдение постов, ежегодная исповедь, ежедневная домашняя молитва, уча-

стие в крестных ходах и т.п. являлись существенными элементами жизни большинства людей. Духовенство было заметной частью населения. Так, в середине XIX в. в четырех восточных уездах Брянщины насчитывалось свыше 6,5 тысяч духовных лиц и членов их семей, а число церквей приближалось к 400. В западных уездах церквей было немного меньше - около 300. Однако уже с XVIII в. часть дворянства и интеллигенции стала все более формально относиться к соблюдению религиозных традиций, а порой и отходить от них.

В определенной степени это было связано с правительственной политикой. Дух петровских указов не способствовал росту уважения к церкви и монастырям. Секуляризация монастырских земель подорвала хозяйственную жизнь монастырей, при Екатерине II последовало закрытие около трех четвертей всех православных монастырей России. Коснулось это и Брянщины. В восточной части Брянщины входившей с 1764 г. в состав Севской епархии, из 13 мужских и 5 женских монастырей было оставлено три мужских (Брянский Свенский Успенский, Брянский Петропавловский, Трубчевский Чолнский Спасский) и один женский (Севский Троицкий). Все они были отнесены к монастырям третьего класса и получали достаточно ограниченное государственное содержание. Кроме того, Карачевский Одрин Николаевский монастырь, Брянская Белобережская Предтечева и Севская Площанская Богородицкая мужские пустыни не были вписаны в штат, а должны были сами себя обеспечивать. Остальные монастыри были закрыты. Среди закрытых были такие известные, как Брянский Спасо-Поликарпов и Карачевский Воскресенский (Тихонова Пустынь). Православные монастыри в западной части Брянщины были почти закрыты. К началу XIX в. сохранился лишь заштатный Каташинский Николаевский мужской монастырь, известный своей чудотворной иконой Богородицы Казанской, и Каменский Успенский монастырь преобразованный из мужского в женский.

Даже ранее крупные монастыри восточной Брянщины в это время приходят в упадок. Монахи пренебрегали монастырской службой, бродили по деревням, пьянствовали и вели развратный образ жизни. Отдельные церковные руководители отличались пьянством и необузданностью нрава. Священники посещали питейные заведения, в пьянстве венчали незаконные браки.

Однако, подобные случаи не были характерны для всех монастырей. Так, монахи Площанской пустыни сами построили каменную церковь, помещение с кельями, работали на огороде, занимались резьбой по дереву, изготавливали посуду и плетеные изделия.

Негативные явления в среде духовенства Брянщины осуждались многими религиозными деятелями. Известный сподвижник, основатель Белобережской пустыни схимонах Симеон не только запрещал братии употреблять спиртные напитки, но и требовал строго ограничивать себя в повседневной жизни, пище.

Новый импульс к совершенствованию монашеской жизни был дан в конце XVIII в. выдающимся религиозным деятелем Паисием Величковским, который возродил представление о монашеском пути как о постоянном подвиге самоотречения и любви не только к Богу, но и к людям. В среде учеников Паисия стали восстанавливаться традиции старчества как высшего проявления религиозного подвижничества, как особая форма духовного руководства людьми, стремящимися к душевному очищению и обновлению.

Целый ряд учеников и последователей Паисия Величковского оказались связанными с монастырями Брянщины (Свенским, Чолнским и Одринским, Площанской и Белобережской пустынями). В их числе были такие известные религиозные подвижники как старцы Афанасий (Захаров), Василий (Кишкин), Феодор, признанный глава рославльских пустынников Афанасий (Степанов) и другие. С Брянщиной и ее монастырями были связаны и виднейшие деятели Оптиной пустыни: отец Моисей (Тимофей Путилов), почти 40 лет возглавлявший пустынь, был раньше послушником в Свенском монастыре; первый оптинский старец Леонид (Лев Наголкин) был уроженцем Карачева, проживал в Белобережской и Площанской пустынях и Чолнском монастыре; второй знаменитый оптинский старец Макарий (Михаил Иванов) был раньше монахом Площанской пустыни. Там же в конце 1820-х гг. был послушником будущий видный религиозный писатель и мыслитель святой Игнатий (Брянчанинов).

В целом первая половина XIX в. была временем не только строительства и благоустройства монастырских храмов и других зданий, но и укрепления положительных традиций обительской жизни и повышения авторитета монастырей среди верующих.

Одним из важных центров духовной жизни во второй половине XVIII - первой половине XIX вв. был Севск, являвшийся центром крупной епархии. При епископе Амвросии (Подобедове) (1742-1812), была основана Севская семинария. Долгие годы был связан с Севском Досифей (Протопопов), бывший учителем, затем - ректором Севской семинарии, а позже - епископом Орловским и Севским.

Особенно большой след в истории русской церкви оставил Филарет (Федор Егорович Амфитеатров) (1779-1857). Выпускник Севской семинарии, ее преподаватель и ректор, в начале XIX в. был настоятелем Свенского монастыря, затем - ректором Московской духовной академии, епископом Калужским (при его активном участии началось возрождение Оптиной пустыни), многие годы был митрополитом Киевским. Пастырская и богословская деятельность, высокий нравственный авторитет сделали Филарета одним из наиболее уважаемых деятелей православия в XIX в.

Другой выпускник, преподаватель и ректор Севской семинарии - Гавриил (Городков) позже был епископом в Калуге и Могилеве, а с 1837 г. - более двадцати лет архиепископом в Рязани, где являлся для верующих примером праведности, кротости и высокой духовности.

Выпускниками Севской семинарии, а затем Киевской духовной академии были такие видные религиозные деятели, как Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов) (1800-1857), Иеремия (Родион Иванович Соловьев), Яков Кузьмич Амфитеатров. Особую славу им доставили блестящие проповеди, богословские сочинения.

В 1858 г. в Севске было наибольшее число духовных лиц и членов их семей - 451 (в Брянске и Карачеве - соответственно 333 и 217). Появлялись и новые известные в религиозном мире имена. Например, трое братьев Синайских (Алексей, Михаил и Павел), сыновья священника села Юшино близ Севска, после окончания духовной академии стали в 1870-1890-х гг. авторами многих работ по религиозным вопросам.

Монастыри и храмы Брянщины оказывали значительное эмоциональное воздействие на человека: и живописным местоположением, и архитектурным обликом зданий, и внутренним убранством, и характером богослужения. В том же Севске, где было 10 каменных храмов и два монастыря, большое впечатление производил комплекс Спасо-Преображенского монастыря с его башнями и каменными зубчатыми стенами, как бы напоминающими архитектурные черты московского Кремля. Впечатлял и комплекс Троицкого женского монастыря с его колокольной, богато украшенным позолотой храмом, имевшим, по словам И.М. Долгорукого, «очень светлый и торжественный вид». Еще выше отзывался И.М. Долгоруков об Успенском соборе в Севске.

На Брянщине было немало и других, порой даже более значительных и интересных храмов. В Покровской церкви с. Новая Романовна Мглинского уезда иконостас состоял из 25 написанных замечательным русским художником В.Л. Боровиковским икон. Уникальным по красоте, тонкости и сложности деревянной резьбы и высокому мастерству живописных работ выделялся Успенский собор Свенского монастыря. Мальцовы построили и украсили церковь с хрустальным иконостасом в с. Дятьково

Достаточно насыщенная религиозная жизнь была и у другой части верующих - старообрядцев. Здесь были свои, более строгие по архитектуре и убранству храмы, очень обширные, с твердым порядком монастыри (наиболее известные - Климовский, или Митьковский Покровский, и Малиноостровский Рождественский) и запрятанные от мирских глаз скиты, - особая религиозная обрядность. Старообрядцы Стародубья относились, в основном, к поповцам, которые не отличались крайним религиозным фанатизмом и склонностью к самоизоляции. К числу более крайних течений относились сторонники возникшего в 1820-е гг. Лужковского согласия - одного из течений беглопоповцев. Лужковцы всех инаковерующих рассматривали как еретиков, считали за грех носить мундиры, принимать присягу, подписывать любые правительственные бумаги и т.д. Помимо Лужков, сторонники этого согласия были в Воронке, Чуровичах.

В 1853 г. в г. Новозыбкове была создана самостоятельная старообрядческая епархия.

Старообрядческие верования оказывали очень большое влияние на весь быт и культуру старообрядческих посадков. Первые возникшие на Брянщине в конце XVIII в. частные типографии в Клинцах (Я. Железникова, Ф. Карташова, Д. Рукавишникова) выпускали только книги религиозного содержания, переписанные с древних рукописей. Именно по таким книгам обучались грамоте местные жители (грамотность здесь была значительно выше, чем в соседних селениях и местечках).

Из верующих других религиозных конфессий на Брянщине было очень немного католиков, лютеран, протестантов. В западных уездах заметным элементом населения стали евреи, поэтому во всех уездных городах здесь появились иудейские молельни.

Были случаи появления в восточных уездах Брянщины изуверских сект хлыстов и скопцов, причем один из руководителей скопцов Кондратий Селиванов был уроженцем с. Столбово (в Брасовском районе).

Свенский монастырь

Рядом с Тимоновкой и Супоневом на высоком правом берегу Десны находится комплекс древнего Свенского монастыря.

Основан монастырь был в период монголо-татарского нашествия в начале 13-го века. Нашествие не затронуло Брянска, татарские полчища не решились углубиться в непроходимые чащобы Брянского леса. Брянск в это время входил в состав Черниговского княжества, после раздела которого Брянск достался князю Роману, и стал стольным городом. Брянский князь Роман оказался храбрым воином, хитрым политиком и дипломатом. Сумев поладить с татарами, не давая им повода для нападений, он в тоже время раздвигал и укреплял границы своего княжества. К концу княжения Роман вплотную подошел к Курску. Брянск при Романе становится одним из важнейших форт-постов Руси. Дело в том, что одновременно с татарами все чаще на Русь стали нападать литовцы. Роман не только защищал свои границы, но и, объединившись с татарами, совершил поход в литовские земли. При Романе же Брянск на некоторое время стал религиозным центром юго-западной Руси. Однако, если мы в хорошую погоду посмотрим на линию монастырей, находившихся на Свенской, Покровской, Петровской горе, то увидим и поймем, что они представляют собой великолепные крепости, стоящие на главных возвышенностях и контролирующие огромное пространство на подступах к городу.

Согласно сказанию о начале монастыря, основанием его послужила неожиданная болезнь (слепота) князя в 1288 г. Он обратился в Киево-Печерский монастырь с просьбой отпустить в Брянск чудотворную икону Печерской Богоматери, надеясь получить от нее исцеление. Икона, как повествует сказание, была отправлена в сопровождении священников на ладьях по Десне. Когда приплыли к устью реки Свинь, ладьи остановились, и сдвинуть их с места никто не смог. Путникам пришлось сойти на берег и заночевать, а наутро оказалось, что оставленная в ладье икона исчезла. Лишь после долгих поисков ее увидели на одном из дубов на противоположном берегу Десны.

Когда князя подвели туда, он вознес молитву и сразу же прозрел. После этого, взяв топор, Роман сам начал рубить деревья для закладки монастыря. Это место обнесли забором, Роман назначил игумена, дал ему денег на содержание монастыря и отбыл в Брянск.

Такова церковная легенда. А как же обстояло дело в действительности? По свидетельству летописцев, Роман действительно посылал архимандрита Брянского монастыря с группой священников за иконой. Киевские монахи понимали, что опасно держать в разоренном татарами городе такую реликвию, поэтому и отдали ее. В Киево-Печерском монастыре к тому времени осталось лишь несколько немощных стариков, остальные были уведены в рабство либо убиты, и некому было оберегать икону. Сопровождали икону в пути киевские старцы Антоний и Феодосий. На брянской земле увидели они забытые картины процветающей земли, нашли обильную еду, людей, которые не видели ужасов татарских набегов и не знали страха. Им очень не хотелось возвращаться в Киев. Для этого надо было, чтобы икона явила очередное чудо. Монахи поста-

рались, и в сговоре с архимандритом, ночью переправили икону на другой берег. План удался, а Роман в результате сильного нервного перевозбуждения, стал лучше видеть.

Так, во имя Успения Пресвятой Богородицы был построен храм, и при нем основан монастырь, который стали именоваться Свинским по названию речки Свинь.

Монастырь получил от Романа Михайловича земли, денежные и другие пожалования. Его главной святыней была чудотворная икона Богоматери, помещенная в Успенском храме и дававшая, согласно преданиям, исцеление многим страждущим. Эта икона, изображающая Богоматерь и младенца Христа, а также преподобных Антония и Феодосия Печерских, была написана около 1088 г преподобным Алипием (Алимпием) Печерским, учившимся иконописи византийских мастеров. Сейчас она находится в Государственной Третьяковской галерее.

Документальных сведений о первых веках существования Свенского монастыря не сохранилось. Новые известия о нем относятся лишь к середине 16 века. Икона опять совершила чудо. В годы царствования Ивана IV в монастыре вместо обветшавшей деревянной соборной церкви был возведен пятикупольный каменный храм Успения. Несколько лет спустя свод ее рухнул. Случилось это в ту минуту, когда последний монах покинул храм. Монахи говорили, что это Богоматерь не дала упасть куполу во время молебна. И еще не раз помогала икона городу....,

Наибольший вклад в развитие монастыря внес Иван IV Грозный, который "многие свои царские сокровища положил на устройство обители, церковь каменную со всем благолепием и со всяким украшением воздвиге, сосуды церковные золотые и серебряные и ризы и книги, и колокола, и всякую церковную утварь довольно надал, также и вотчинами и всякими угодыями изобильно наделил, чтоб обители Пресвятыя Богородицы во всяком украшении и благолепии... никакого оскудения не было".

В конце XVI в. были возведены каменная церковь Антония и Феодосия Печерских и колокольня, на которой по описи 1681 г., было 8 колоколов, а самый большой 200-пудовый колокол, пожалованный Иваном Грозным, находился на деревянных козлах рядом с колокольней. Суровый облик храма смягчался декором наличников окон второго яруса, закомарами, аркатурным поясом барабана и многоэлементными карнизами.

Сретенская надвратная церковь над северными - «Святыми» - воротами монастыря (1670-е годы) ярусного построения: нижний ярус - проходы и проезды в монастырь, второй ярус - собственно церковь, выше которой фронтально развернута плотная группа трехъярусных граненых (два восьмерика и один шестерик) световых барабанов, нарядно украшенных характерными для Московского барокко наличниками окон и угловыми трехчетвертными колонками. Вместе с декором второго яруса и росписями стен внешнего фасада (росписи не сохранились) это создавало нарядный, легкий и жизнерадостный строй архитектуры своеобразного памятника.

После утраты в 1920-х годах главной архитектурной доминанты ансамбля - Успенского собора - роль композиционной вертикали унаследовала Преобра-

женская надвратная церковь. Многоярусная композиция, вознесенная над проездом, окаймлена с внешней стороны галереей гульбища с боковыми входами-лестницами. Архитектура церкви выполнена в формах конца XVII века, хотя построена она в 1742 году. Завершения алтарного выступ входов на гульбище сделано в виде древнерусских кокошников, декор которых гармонирует с белокаменными колоннами и их речным растительным узором. По чертежам архитектора Азарова А. Г. этот памятник, как и Сретенская церковь, отреставрирован брянской мастерской в 1980-х годах.

Монастырская стена (1735-1764 годы), свободно следуя рельефу местности, обегает территорию, имеющую форму неправильного восьмиугольника. Расчлененная пилястрами и амбразурами, с башнями, ограничивающими прясла, раньше она опоясывала парящий над округой сложный и богатый комплекс храмов и монастырских строений. Архитектурный масштаб стены вполне соответствовал и величественным храмам, и одноэтажной застройке прилегающей деревни. Белая лента стены, повторяя меловые обнажения берегового обрыва, и ныне подчеркивает нераздельность древней архитектуры с природой.

Ансамбль Свенского монастыря, типично русский по планировке и объемно-пространственной композиции, складывавшийся на протяжении нескольких веков, воплотил черты развития русской культуры в своих архитектурных сооружениях. В тоже время здесь отчетливо видно влияние украинской культуры, связанное с тем, что долгое время монастырь находился под управлением Киево-Печерской лавры.

Большой ущерб монастырю был нанесен в феврале 1582 г., когда «литовские люди пришли безвестно к городу Брянску, и как Брянск, так и монастырские строения, образа, книги, ризы и сосуды, и всякую казну, и жалованные грамоты монастырские... сожгли». Монахи же бежали «в лес душою и телом, только унеся с собой чудотворный образ Пресвятыя Богородицы».

Позже монастырь еще дважды сильно пострадал: в годы смуты начала VII в. (впрочем, имеющиеся в литературе сведения о его разграблении отрядами Лжедмитрия II вряд ли достоверны) и особенно в январе 1664 г., когда отряды крымских татар захватили и «в конец разорили монастырь».

Быстрое восстановление монастыря после этих разорений связано с многочисленными и значительными пожертвованиями от многих лиц: в числе монастырских вкладчиков были все русские цари XVI-XVII вв., немалое количество бояр и князей (Трубецких, Воротынских, Мстиславских), многие брянские дворяне и дети боярские, а также немало служителей духовенства, служилых, приказных, посадских людей и крестьян. Кроме того, у монастыря было значительное количество крестьян, пахотных, сенокосных и лесных угодий, а так же другой собственности, приносящей большие доходы.

К середине XVIII в. Свенскому монастырю принадлежало 45 селений в пяти вотчинах, где проживало более 18 тысяч крестьян. Монастырь имел свои дома в Москве, Брянске, Карачеве, Белеве. При монастыре, или поблизости от него, располагались сад, огород, конопляник, винокуренный завод, скотные дворы (по описи 1681 г. в них находилось 130 лошадей и 57 коров). Кроме того,

монастырь владел двумя десятками мельниц, многими бортными угодьями, рыбными ловлями и другими угодьями.

Немалый доход монастырю приносила известная со второй четверти XVII в. Свенская (до середины XVIII в. - Свинская) ярмарка, проходившая ежегодно в августе (с 1749 г. - в сентябре) на территории между западными стенами монастыря и селом Супонево. Сюда съезжались со своими товарами купцы и другие торговые люди не только из ближайших и отдаленных мест России, но и из Прибалтики, Польши, Германии, Молдавии, Греции, Сербии и других стран. Особенно велика была роль ярмарки в развитии торговых связей между Россией и Украиной.

Поэтому, когда в 1681 г. Свинский монастырь по указу царя Федора Алексеевича был приписан к Киево-Печерской лавре, он стал управляться ее наместниками и называться Новопечерским, в указе специально было оговорено, чтобы «между многие места славши Свинская ярмонка» имела «повольность попрежнему без умаления».

Первым прибывшим из Киева наместником монастыря стал игумен Иоанн Максимович (1651 - 1715), который в начале XX в. был канонизирован как святой. Крупный ученый-богослов, плодовитый религиозный писатель, замечательный проповедник, он оставил большой след в жизни Черниговской епархии, где был архиепископом в 1697-1711 гг., и много содействовал распространению православия в Сибири, будучи митрополитом Тобольским и Сибирским до 1711 г. до кончины в 1715 г.

В 1701-1702 гг. наместником Новопечерского монастыря был и еще один выдающийся религиозный деятель Филофей Лещинский (1650 - 1727). В 1702-1709 и 1715-1720 гг. он был митрополитом Тобольским и Сибирским, особенно прославился религиозным просвещением местных жителей, крестив около 40 тысяч человек. Схимтрополит Феодот (Филофей) скончался в основанном им Троицком монастыре в Тюмени, но память о нем в Сибири осталась надолго.

В историко-религиозной и краеведческой литературе немало написано о пребывании в монастыре Петра I. Длительное время сохранялся в качестве мемориального домика Петра, в котором якобы неоднократно останавливался и подолгу беседовал с монахами царь - реформатор. Однако в этих сообщениях больше легендарного, чем достоверного. Документально подтверждается лишь факт пребывания Петра I в Брянске 22-24 октября 1708 г., причем 22-го он прибыл в город, а 24-го утром покинул его, торопясь в находившуюся на севере Украины главную армию. Посетить монастырь Петр мог не с целью поклониться святыням, а с целью осмотреть великолепное оборонительное сооружение.

Архитектурный комплекс Свенского монастыря в основном формировался к 1760-м гг. В 1681 г. было построено новое каменное здание церкви Антония и Феодосия Печерского вместо прежнего, рухнувшего от ветхости; примерно тогда же были построены северные ворота с надвратной церковью Сретения. С середины 1730-х гг. в течении почти 30 лет велось строительство каменной ограды длиной около 780 метров с шестью наугольными башнями. В 1734-1742 гг. на средства брянского купечества возведена каменная Спасо-Преображенская церковь над западными, ярмарочными воротами.

В 1744 г. Свенский монастырь посетила императрица Елизавета Петровна. Ею было пожаловано 6 тысяч рублей на сооружение нового соборного храма вместо обветшавшего прежнего. Возле монастыря были построены большие кирпичные заводы, начали готовить известь, другие строительные материалы, и летом 1749 г. состоялась закладка собора. Сооружался он по проекту московского архитектора И.Ф. Мичурина, руководил строительными работами И. Битнер, а общий надзор за строительством осуществлял обер-архитектор И.Ф. Растрелли. Торжественное освящение нового соборного пятикупольного Успенского храма (длина - свыше 37 м, ширина - свыше 10 м, высота до свода главного купола - около 42 м) состоялось в 1758 г. Вход в здание украшали древние художественно оформленные железные двери, пожертвованные в монастырь еще в 1565 г, князем И.Ф. Мстиславским. Среди внутреннего убранства храма выделялся огромный шестиярусный иконостас конца XVII - начала VIII вв., перенесенный из старого храма, несколько расширенный и обновленный.

Внешнее благоустройство монастыря не сопровождалась, однако, совершенствованием его внутренней жизни. После серьезных волнений монастырских крестьян в конце 1750-х - начале 1760-х и особенно после секуляризации монастырской собственности хозяйственная деятельность монастыря пришла в упадок. Отчисление Свенского монастыря из владения Киево-Печерской лавры и возвращение ему статуса самостоятельного мало что изменили, потому что, будучи причислен к III классу, монастырь получал довольно скудное содержание. Резко сократилось число обительской братии. Например, в 1791-1794 гг. здесь жило только 5 монахов и 5 послушников. Да и нравы монашества не всегда были образцом для окружающих.

Даже посещение обязательных монастырских богослужений казалось кое-кому из братии обременительным делом, и игумен Мода в конце XVIII в. был вынужден наказывать отдельных монахов денежным штрафом за подобную нерадивость.

Начавшийся в конце XVIII - начале XIX вв. процесс возрождения во многих российских монастырях древних традиций религиозного подвижничества, высокой духовности заметно проявился и в жизни Свенского монастыря. Это было связано с пребыванием в обители немалого количества учеников и последователей святого Паисия Величковского, жизнь, духовно-нравственный облик и религиозно-проповедническая деятельность которых заметно влияли и на живших здесь иноков, и на приходивших в монастырь верующих. В числе этих религиозных подвижников были иеромонахи Василий (Кишкин) и Афанасий (Степанов), схимонахи Афанасий (Охлопков) и Афанасий (Захаров), архидиакон Анастасий, архимандрит Геннадий, Иеромонах Серафим и некоторые другие. Особенно следует выделить схиархимандрита Моисея (Тимофея Путилова), который был послушником Свенского монастыря в 1809-1811 гг., а позже долгие годы являлся наместником Козельской Оптиной пустыни, получившей именно в это время всероссийскую известность благодаря особой духовной атмосфере и деятельности знаменитых оптинских старцев.

Долгие годы прожили в монастыре и много трудились по его благоустройству и развитию духовной жизни игумен Амвросий, бывший здесь настоятелем

в 1809-1833 гг., вплоть до кончины; архимандрит Смарагд, проделавший в обители путь от послушника до настоятеля (с 1842 г.), переведенный в 1858 г. в Орел епископом, но вернувшийся в Свенский монастырь в 1859 г., чтобы здесь умереть; архимандрит Иерофей, 20 лет (начиная с 1860 г.) возглавлявший монастырь и ставший автором первой книги о нем.

События 1917 г. прервали прежнюю спокойную и размеренную жизнь Свенского монастыря. Из монахов упраздненной обители была сформирована трудовая коммуна. На территории монастыря разместили воинское подразделение, а затем - детскую колонию. В 1924 г все церковные здания были закрыты, а находившиеся в них ценности изъяты. Попытки комиссии Главнауки Наркомпроса, возглавляемой выдающимся живописцем и искусствоведом академиком И.Э. Грабарем, заведующего Брянским губоно В.П. Ильенкова, директора Брянского краеведческого музея С.С. Деева и некоторых других убедить центральные и местные власти в громадной исторической и художественной ценности комплекса Свенского монастыря и необходимости его сохранения оказались безуспешными. В 1930 г. Успенский собор, церковь Антония и Феодосия Печерских, колокольня и некоторые другие монастырские сооружения были варварски взорваны.

Разоренными оказались и почти все надгробия над могилами захороненных на территории Свенского монастыря. А ведь в числе тех, что сохранились еще в начале XX в., были не только надгробия упомянутых настоятелей монастыря Амвросия, Смагарда, Иерофея (Якова Михайловича Добрицкого), но и многих других монахов, но помещиков, купцов, чиновников, офицеров. Заслуживают упоминания из числа погребенных и отмеченных памятными надгробиями первый начальник Арсенала в г. Брянске генерал-майор Иван Михайлович Иванов (1748 - 1797), рядом с которым были также похоронены ст жена Устинья Михайловна и сын капитан Николай Иванович Иванов (1792 - 1826); еще один начальник Арсенала полковник Федор Яковлевич Вахмут (1782 - 1812), возглавлявший завод во время нашествия Наполеона и обеспечивший его успешную работу в это время и, майор Иван Дмитриевич Маныкин-Невструев (1796 - 1873), участник Отечественной войны 1812 г.; один из крупнейших землевладельцем Брянского уезда поручик Фаддей Петрович Тютчев. Были среди могил с надгробиями и некоторые женские, в частности, богатой брянской купчихи Аграфены Федоровны Комаревой, монахини Петропавловского монастыря Ангелины (урожденной Толбузиной), жены поручика В.В. Вепрейского Ольги Александровны (урожденной княжны Друцкой-Соколинской). Во время современных работ на территории монастыря некоторые из уцелевших надгробий были обнаружены, в том числе - умершего в 1882 г. архимандрита Иерофея.

С конца 1970-х гг. началась реставрация уцелевших церквей (Сретенской и Спасо-Преображенской), некоторых других зданий и ограды монастыря, а в 1992 г. он был возвращен православной церкви и стал первым возродившимся после нескольких десятилетий и действующим монастырем на Брянщине.

Дворянские усадьбы Брянского края

На территории Брянской области сохранилось совсем немного памятников дворянской усадебной культуры, да и те в своем большинстве находятся в аварийном или руинированном состоянии. Сказались революционные и военные события XX в., и отношение и представителей власти, и большинства жителей к старому дворянскому быту, как бы олицетворявшему остроту прежних социальных противоречий. В последней трети XX в. и государство, и общество начали лучше понимать пользу и необходимость сохранения памятников культуры прошлых времен. Уже восстановлен усадебный дом, парк и церковь в с. Овстуге, на родине Ф.И. Тютчева, ведутся реставрационные работы в имении А.К. Толстого Красный Рог.

Однако, большинство дворянских усадеб оказались забытыми. Так случилось с усадебным дворцом М.В. Воейковой в поселке Лопандино, здание которого сохранилось в основном до нашего времени.

Частично сохранился примыкавший к двору парк, а также несколько зданий производственного назначения. Мария Владимировна Воейкова, урожденная светлейшая княжна Голицына была одной из крупнейших помещиц, владевшей только на территории Севского уезда более чем 30 тысячами десятин земли. В период революции 1905-1907 гг. в ее имениях происходили крестьянские волнения, имели место неоднократные поджоги имущества (в частности, был сожжен усадебный дом в с. Радогощ). Ее муж был родственником последнего коменданта Зимнего дворца при Николае II В.Н. Воейкова.

Отец М.В. Воейковой, светлейший князь Владимир Дмитриевич Голицын (1815-1888), был другом детства и отрочества Александра II, занимал видное положение при дворе, являясь обер-шталмейстером. Ее дед, Дмитрий Владимирович Голицын (1771 - 1844), пользовался полным доверием Александра I и Николая I, был с 1820 г. и до кончины московским генерал-губернатором и получил в 1841 г. титул "светлейшего".

Мать Д.В. Голицына, Наталья Петровна, известна обычно либо тем, что прожила без малого сто лет, либо как прообраз старой графини в "Пиковой даме" А.С. Пушкина, либо в связи с проходившим в начале 1797 г. крупным крестьянским восстанием под руководством И. Куркина в с. Радогощ и соседних селениях (подавлением восстания руководил орловский губернатор В.И. Воейков). По этим данным нетрудно представить себе целую династию жестоких помещиков и ловких царедворцев, о которых и помнить-то не стоит. Однако можно выстроить и совсем другой ряд сведений, характеризующих тех же лиц. Княгиня Н.П. Голицына была известна не только своим властным характером, но и тем, что еще в 1780-е гг. устроила в главном селении своего имения, в с. Радогощ, больницу для лечения крестьян на 60 мест, при ней - аптеку, а также богадельню на 20 человек, где за счет княгини содержались нуждавшиеся в уходе одинокие старики и калеки. А ведь в то время больниц не было даже в большинстве губернских центров, не говоря уже об уездных городах. Зримым, хотя и безмолвным памятником о княгине Наталье Петровне остается постро-

енный в 1780-е гг. на ее средства каменный храм Успения в с. Радогощ, отличающийся интересным и своеобразным архитектурным обликом.

На ее же средства была в начале XIX в. построена каменная Введенская церковь в с. Литиж, но она в советское время разделила печальную судьбу многих разоренных храмов. Князь Д.В. Голицын был одним из лучших русских кавалерийских командиров, отличился в нескольких военных кампаниях, в том числе - в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. В 1814 г. получил звание генерала от кавалерии, был награжден почти всеми высшими боевыми орденами. Являясь около четверти века московским генерал-губернатором, заслужил большое уважение жителей заботой о восстановлении и благоустройстве столицы, внимательным и справедливым отношением к людям. Жена Д.В. Голицына, Татьяна Васильевна, также оставила у москвичей благодарную память своей добротой, отзывчивостью и активной благотворительностью, особенно по отношению к детям-сиротам и девушкам из низших сословий. Их сын, светлейший князь В.Д. Голицын, помимо придворной службы, продолжил воинские традиции отца. Командуя конными частями, участвовал в боевых действиях, имел звание генерала от кавалерии.

Его супруга - светлейшая княгиня Мария Михайловна, уже после смерти мужа сумела, пользуясь своими петербургскими связями, добиться решения об открытии в Севске реального училища, за что городская дума присвоила ей звание почетной гражданки г. Севска. Память об этих людях до сих пор сохраняется на территории Комаричского района, о чем местные жители и не догадываются. Ведь современный поселок Марьино начинался с появившегося незадолго до отмены крепостного права хутора Марьинского, названного так князем Голицыным в честь своей молодой жены Марии Михайловны.

Несколько позже появился и хутор Владимировский, получивший название по имени князя Владимира Дмитриевича. Сейчас это - поселок Владимировский (Владимировка). В.Д. и М.М. Голицыны не имели наследников по мужской линии, и все огромное голицынское имение в Севском уезде перешло к их дочери, Марии Владимировне (в замужестве Воейковой). Новая владелица проявила незаурядные хозяйственно-организаторские способности, и ее радогощское имение отмечалось в начале XX в. как «замечательное по своему полеводству, травосеянию, конному и винокуренному заводам и лесоводству». По распоряжению М.В. Воейковой на хуторе Лопандинском (селение известно с XVII в. как деревня Лупандина, в XVIII - XIX вв. именовалась то деревней, то хутором) был в 1896 г. заложен, а в 1898 г. пущен крупный сахарный завод, ставший основным предприятием в этом селении (позже - поселке).

Помимо завода здесь были построены жилые дома для мастеров и общежитие для сезонных рабочих.

Место для завода было выбрано вполне обдуманно: поблизости и от центральной усадьбы воейковского имения, и от железнодорожной станции Комаричи, появившейся в 1896 г., когда здесь (частично - через земли М.В. Воейковой) прошла железная дорога Брянск - Льгов. Вполне вероятно, что место станции (на пересечении железнодорожных путей и старинной грунтовой дороги Севск - Радогощ) могло быть определено с учетом пожеланий М.В. Воейковой,

имевшей немало знакомств в правительственных кругах. Строился сахарный завод в Лопандино почти одновременно с железной дорогой.

Местные крестьяне, участвовавшие в строительстве, не относились к числу самых бедных и обездоленных. К примеру, поданным 1894 г. в селениях Радогощеской волости из 1236 хозяйств было 229 безлошадных (18,5%), в то время как в соседней Апраксинской (Брасовской) волости безлошадных хозяйств было свыше 37% (в среднем по Севскому уезду этот показатель составлял около 25%). Но в 1905 - 1907 гг. в воейковских имениях происходили крестьянские волнения, а господский дом в с. Радогощ был сожжен. Это нельзя рассматривать как свидетельство острых отношений между помещицей и крестьянами. "Красный петух" гулял в те годы в тысячах имений, в том числе и у самых добропорядочных владельцев. Но и после сожжения радогощского дома М.В. Воейкова, в отличие от некоторых соседей-помещиков, уехавших из имений в города, и от своей прабабки, Н.П. Голицыной, покинувшей после восстания И. Куркина свое радогощское поместье, не оставила родных мест, а лишь переехала в Лопандино, где развернулось строительство каменного дворца.

Внешний облик дворца, напоминавшего средневековый замок, свидетельствовал и об архитектурных вкусах владельцев, и об их желании избежать всяких случайностей в будущем. Толстые стены, высокие башни, массивные ворота, обширные подвальные помещения - все это могло обеспечить длительное безопасное пребывание хозяев даже в случае значительных народных волнений. Основные функции дворца и прилегающих территорий были связаны с обеспечением благоприятных условий пребывания для хозяев и гостей. Рядом с дворцом был разбит небольшой, но живописный парк, устроен пруд, по соседству разместился переведенный из Радогощ конный завод, где разводили орловских рысаков. Дворец, построенный весьма добротно, сохранялся и в годы советской власти. В 1920 - 1930-х гг. здесь находились и работали сначала фабрично-заводское училище, а затем - средняя школа. После Великой Отечественной войны в уцелевшем здании размещалось Лопандинское педучилище, а после его закрытия - вновь средняя школа. Когда же школу перевели в новое здание, воейковский дворец оказался бесхозным. В его отдельных помещениях до сих пор проживает несколько семей, но основная часть дворца подвергается разрушению.

Недалеко от Лопандино, в с. Брасово, находится еще одна старинная усадьба - усадьба Великого князя Михаила Романова.

Село Брасово расположено на юго-востоке Брянской области. Первые упоминания о нем в дошедших до нас документах относятся к 1496 году. По-видимому, село возникло как оборонный пункт, так как несколько позже, в период царствования Ивана Грозного, неподалеку от Брасова проходила юго-западная граница Московского государства. Она представляла собой ряд укрепленных линий, предназначенных для временного задержания неприятеля. Так, в Брасове находилась засека, за которой на земельном валу был возведен частокол. Эти искусственные сооружения дополнялись естественными препятствиями - реками, оврагами, болотами, а также растянувшимися на сотни километров непроходимыми лесами.

В 1741 году Брасовский стан, входивший в Комаричскую волость, обрел своего первого владельца – генерала Степана Федоровича Апраксина, будучи пожалован ему указом императрицы Елизаветы Петровны за военные заслуги. Апраксины владели Брасовом до 1882 года, когда действительный статский советник камергер Виктор Владимирович Апраксин продал имение великому князю Георгию Александровичу Романову за 4200 тысяч рублей, после смерти которого в 1899 году оно перешло к его младшему брату Михаилу Романову, наследнику престола.

На конец XIX века вотчина Романова имела площадь 107 238 десятин земли, располагалась на территории современных Брасовского, Комаричского, Навлинского и Суземского районов. Она включала 38 селений, в 1800 дворах которых проживало 9116 крестьянских душ мужского пола. Ввиду того что 60 % территории вотчины занимали леса, подходившие к Десне и ее притокам Неруссе и Навле, местное население промышляло охотой, рыболовством, а древесина, сплавлявшаяся по рекам, выгодно продавалась в Киеве, принося большие доходы владельцам имения.

Будучи заинтересованными в повышении доходности своего имения, Романовы улучшили транспортные связи, добившись, чтобы строящаяся Московско-Киевско-Воронежская железная дорога прошла через их угодья на протяжении 37 верст. А чтобы заинтересовать строителей железной дороги, безвозмездно уступили им 263 десятины земли. Кроме того, были улучшены грунтовые дороги, проложено более пяти верст булыжных мостовых. Так, дорогу, уходившую в сторону деревни Шемякино, обсадили по обе стороны стройными березами, на ней объезжали рысистых лошадей. Эта дорога стала местом конных прогулок Михаила Романова и его почетных гостей. До сих пор местные жители называют эту дорогу царской.

При Михаиле Романове находящийся в километре от Брасова поселок возымел новое значение. Чтобы попасть в него с основного тракта, надо было сделать поворот в сторону. Этот локоть дороги и дал название поселку. Оценив положение Локтя, Михаил Романов построил там двухэтажный деревянный дворец, перед которым разбил великолепный парк, на обустройство которого не жалел денег. Этот дворец и стал новой резиденцией великого князя, а в бывшем апраксинском дворце в Брасове по распоряжению Михаила Романова открылась почтово-телеграфная контора с центральной станцией телефонной связи с выходом на Орел, Москву, Санкт-Петербург. Здание дворца Апраксиных сохранилось до наших дней, теперь в нем размещается Брасовская школа-интернат. Помимо дворца телефонизированы были главная контора имения, многие хуторские хозяйства, лесничества, заводы и некоторые другие хозяйственные объекты. Таким образом, Михаил Романов имел возможность постоянно быть в курсе происходивших в Брасове и Локте событий, поддерживая телефонную связь с имением.

Что касается парка перед новым княжеским дворцом, его разбили на ровной местности с пологим уклоном в сторону прудков, а перед дворцом был устроен партер, представлявший собой открытую часть парка с газонами и скульптурами. К партеру примыкали участки парка, обсаженные стеночками

стриженных кустов, здесь же располагались беседки, скамьи, прогулочные дорожки. Из высаженных в парке деревьев преобладали липа, пихта, береза, дуб, однако, по некоторым сведениям, здесь произрастали и экзотические породы деревьев.

В то время преобладал взгляд, что искусство может лишь подражать природе, ввиду чего парк, в котором гармонировали натура и культура – естественные зеленые насаждения и преобразования человека, назывался пейзажным парком. Регулярные посадки деревьев в некоторых местах чередовались с их свободной группировкой. Так, до наших дней сохранились березовая роща вблизи районной больницы, пихтовая куртина у центральной библиотеки, дубовая роща, простиравшаяся от оврага до конезавода.

Естественным дополнением парка стали прудки. Здесь был даже устроен бассейн для купания, вода в котором подогревалась, а неподалеку обустроили песчаный пляж. Прудки также стали местом катания на лодках. Кроме того, как естественные, так и искусственные водоемы – всего 24 отдельных пруда с регулируемым режимом воды из основного пруда – служили для разведения рыб. Девять прудов имели глубину от 2 до 4 метров и общую площадь до 1 тысячи квадратных десятин. Из искусственно разводимых здесь рыб особую ценность имели таймень, лосось, сиг, форель, стерлядь, осетр, судак и лещ.

Как Романовы, так и их гости были большими любителями охоты, тем более что в окрестных лесах обитало много видов зверей. Это потребовало содержать большую псарню гончих собак, штат егерей, знавших места скопления зверей и птиц, их повадки. Кроме того, во дворце имелась большая коллекция ружей.

До наших дней местные жители рассказывают одну передающуюся из поколения в поколение историю охоты великого князя на медведя. Когда егеря выследили зверя, Михаил Романов захотел лично застрелить его, для чего подпустил его на довольно близкое расстояние. Однако в результате выстрела медведь был ранен и, разъярившись, бросился на охотника. Тот выстрелил вторично, но и этот выстрел не остановил зверя. В этот опасный момент на выручку хозяину подоспел егерь Афанасий Гладилин из брасовских крестьян. Его меткий выстрел в медвежью голову спас Михаилу Романову жизнь. После этого случая Гладилин был щедро награжден, а управляющий имением действительный статский советник Н.П. Лавриновский по приказу великого князя постоянно обеспечивал Гладилина всем необходимым.

Что касается хозяйственной и производственной деятельности в имении, основным ее направлением стала переработка леса. Так, Ворковский лесотехнический завод перерабатывал пни, валежник, макушки и перестойный березовый лес в различные продукты сухой перегонки: скипидар, деготь, вар, древесный спирт, уксус, древесное масло, древесный уголь.

Вторым направлением деятельности имения стало коневодство, причиной чему – пожизненная страсть Михаила Романова к лошадям. Начав в молодые годы службу с низших чинов в кавалерии, Михаил стал большим знатоком и любителем рысаков. На великокняжеской ферме разводились не только чистокровные рысаки, но и лошади тягловых пород. Всего же здесь было около 70

голов лошадей, в том числе 30 маток и 3 породистых жеребца-производителя. Лошади Михаила Романова пользовались в те времена большим спросом.

Немалый доход приносило и пчеловодство. Великокняжеские пасеки включали около трехсот семей, где велись даже научные наблюдения за развитием пчелосемей. Что касается церковной и благотворительной деятельности, настоящей гордостью имения издавна был Плащанский мужской монастырь. В начале XVIII века монастырские угодья включали 2645 десятин. Из них усадебные и неудобные земли составляли 180 десятин, болотистые и сенокосные угодья – 325 десятин, около 2000 десятин было занято лесами и кустарником. Начиная с 1731 года при настоятеле монастыря Тихоне монастырские леса разделили, в зависимости от качества деревьев, на строевые и дровяные. Доходы от продажи леса давали монастырю большую прибыль.

Монастырская братия, кроме того, питалась за счет земли, сенокосов, семи мельниц, рыболовства, пасек. Позже монахи насадили два фруктовых сада площадью более семи десятин, что увеличило монастырские доходы. Один из монастырских садов в поселке Коммуна сохранился до наших дней благодаря регулярной посадке новых плодовых деревьев.

Великие князья оказывали монастырю немалую благотворительную помощь. Так, по их указанию управляющий имением Н.П. Лавриновский помог братии приобрести паровую с локомотивом машину, которая использовалась для лесопилки, молотбы, выбивки конопляного масла и других целей, что увеличивало монастырский доход. Помимо этого весьма доходны были дегтярный, свечной и кирпичный монастырские заводы, три пасеки.

Щедротами Михаила Романова пользовались и священнослужители всех восемнадцати церквей имения, получавшие бесплатное топливо, которым обеспечивались также вдовы, сироты, бедные семьи. На материальную помощь им тратилось до трех тысяч рублей в год. При имении находились богадельня и детский приют на 40 человек, в которых на содержание каждого человека тратилось до 60 рублей в год. В имении работала второклассная церковно-приходская школа, 30 земских школ, на содержание которых Михаил Романов выделял как материальные средства, так и бесплатное топливо. В январе 1897 года при главной конторе в Локте открылась школа для детей служащих, которая действует до сих пор как средняя школа № 1.

Неудивительно, что локотские крестьяне, будучи окружены заботой великих князей, не познали ни ужасов крепостного права, ни послереформенного разорения. Как бы то ни было, в пределы апраксинско-романовского имения не проникли народовольческие идеи, а революционные настроения, заразившие на рубеже XIX-XX веков значительную часть населения Центральной России, не нашли на локотских землях никакой почвы для своего развития. Интересно, что в период революции 1905-1907 годов, когда редкое имение избежало крестьянских погромов, на локотских землях не было зафиксировано ни одного случая поджогов или разграблений великокняжеского имущества.

После октябрьской революции 1917 года положение изменилось. Эпидемия растаскивания и присвоения господского добра на локотских землях возымела свою специфику: крестьяне не разграбляли романовский дворец, а скорее

были движимы желанием сохранить его ценности, не дать им пропасть бесследно, быть уничтоженными. Зачастую им приходилось даже выступать защитниками дворцовых ценностей. Так, по свидетельствам локотских крестьян А.П. Павленко и М.П. Орловского, которые записал историк-краевед Б. Осипов, 9 января 1918 года жители Брасова и Локтя узнали о том, что из-за Неруссы идут погромщики из трех волостей, чтобы грабить великокняжеский дворец. Крестьяне, в том числе старики, женщины и даже подростки, вооружившись вилами и топорами, съезжались в Локоть, чтобы грудью отразить нападение. Когда погромщики узнали о противостоящих им силах защитников имения, они, не решаясь мериться с локотянами силами, остановились на опушке Георгиевской рощи недалеко от спиртзавода. Затем они были вынуждены разойтись по своим деревням, пригрозив, что в следующий раз придут снова, но уже всем уездом, однако свою угрозу не исполнили.

Сохранить дворцовые богатства, несмотря на активность локотских крестьян, все же не удалось. В начале 1918 года Брасовский волисполком создал комиссию для проведения учета ценностей. Описанные ценности были уложены в 18 ящичков с золотыми и в 32 ящика с серебряными вещами. Кроме того, комиссия изъяла хрусталь, фарфор, фаянс, бронзу, гравюры и скульптуры, представлявшие большую художественную ценность. Однако члены комиссии не проявили никакого интереса к ценным полотнам, изображающим царей династии Романовых. Большая часть этих картин погибла, некоторые же были в наступившей неразберихе унесены крестьянами и спрятаны. Так, по свидетельству историка-краеведа Б. Осипова, бывшего в 1960-х годах заведующим Брасовским районным отделом народного образования, однажды при ремонте здания Кропотовской начальной школы строители нашли портрет Михаила Романова. Будучи упакован в плотную бумагу, он много лет пролежал между стеной и деревянной обшивкой бывшего помещичьего дома, в котором размещалась школа. Портрет хорошо сохранился, он был выполнен на твердом картоне и принадлежал, без сомнения, руке искусного художника. Не были учтены комиссией и исчезли также хранившиеся во дворце полотна академика русской пейзажной живописи Станислава Юлиановича Жуковского, который неоднократно гостил в Локте по приглашению графини Натальи Брасовой.

Описанные и упакованные волисполкомом ценности были перенесены в подвалы брасовской церкви, а для их охраны приставили сторожа с ружьем.

Вскоре локотским крестьянам вторично выпало встать на защиту дворцовых богатств. Случилось это в апреле 1918 года, когда попытку завладеть изъятыми ценностями предприняли анархисты. Прибыв на станцию Брасово на бронепоезде, они потребовали сдать ценности, хранящиеся в церковных подвалах. В ответ местные жители заявили новым грабителям, что скорее умрут, чем отдадут кому-либо дворцовые богатства. Бронепоезд анархистов стоял на станции несколько дней с наведенными на Брасово орудиями. Анархисты угрожали обстрелять поселок, однако, узнав о вызванных из Орла частях Красной армии, были вынуждены удалиться.

Вскоре все изъятое под усиленной военной охраной было отправлено в Москву. Вероятнее всего, ценности были либо разворованы, либо в период разразившегося вскоре голода их продали за границу.

Когда началась Великая Отечественная война, фашисты устроили во дворце комендатуру. 5 марта 1943 года советские самолеты разбомбили несколько важных немецких объектов в поселке. Фугасная бомба попала и в царский дворец. После войны на фундаменте дома Романовых построили новое здание. Там вначале был народный суд, потом поселковый совет. В 80-х годах одноэтажный деревянный дом сгорел во время пожара. Нетронутыми оказались только подземелья дворца. Сейчас они почти засыпаны землей. Страшная судьба оказалась и у конезавода, в подвале которого была фашистская тюрьма и было расстреляно более 1500 человек.

Общественная жизнь в начале XX века

Провинциальная жизнь в целом текла тихо и неспешно. У обывателей не было большой охоты собираться для коллективного решения каких-то вопросов. Только к концу XIX века в Брянском крае появились первые общественные организации, создававшиеся по профессиональному признаку. Одним из первых появилось Общество попечения о раненых и больных воинах, которое было преобразовано в Брянский комитет Красного Креста. Среди основных целей комитета была поддержка малоимущих. Для помощи голодающим в 1892 году Главное управление Красного Креста перечислило Брянскому комитету 15 тысяч рублей. Комитет открыл народную столовую, бесплатную амбулаторию для бедных. Первоначально во главе Комитета была жена начальника Арсенала Софья Сарандинаки, а затем - брянский уездный предводитель дворянства князь В.В. Тенишев (1878-1959), сын известного предпринимателя и общественного деятеля. Вячеслав Вячеславович владел большим (свыше 5 тысяч десятин) имением близ деревни Лелятино (сейчас - в Жуковском районе) и крупным лесопильным заводом, избирался депутатом III Государственной Думы, был автором работ по правовым вопросам. Его отец, Вячеслав Николаевич Тенишев принадлежал к известному аристократическому роду, ведущему свое происхождение от татарского мурзы Тенишева Кугушева. Служа российским государям, Тенишевы обрусели, приняли христианство. Получив диплом инженера путей сообщения в Германии, В.Н. Тенешев в 20 лет начал карьеру на железных дорогах. Пользуясь глубокими техническими знаниями и хорошо чувствуя экономическую конъюнктуру, Тенишев стал успешным предпринимателем. В 26 лет он основал свой первый завод - наукоемкое производство в Петербурге, выпускавший лесопильные рамы на паровой тяге и серию машин для производства конструкций железных мостов.

В июле 1873 года Тенишев совместно с П.И. Губониным и В.Ф. Голубевым основал "Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода". Завод должен был заниматься выплавкой чугуна, выделкой железа и стали, приготовлением из них изделий на продажу, производством всякого рода машин и принадлежностей для железных дорог и судостроения. Всю техническую сторону строительства завода взял на себя Тенишев. Летом 1874 года новое предприятие дало первую продукцию. С течением времени Брянский завод превратился в крупнейшее металлургическое пред-

приятие страны. Губонин, первоначально возглавлявший акционерное общество, по своему образованию не мог оставаться во главе такого сложного предприятия и акционерное общество возглавил Тенишев. Ему было тогда 35 лет. Благодаря технической мысли Тенишева, продукция завода не знала себе равных, а предприятие развивалось небывало высокими темпами. Почти каждый год на заводе начиналось производство новых изделий. Ряд железных дорог снабжался исключительно рельсами, произведенными на этом заводе. Рельсы были более высокого качества, чем зарубежные. С 1880-х годов завод стал выпускать броню для броненосцев Черноморского флота. Именно Тенишев убедил Морское министерство отдать заказ на броню не английским производителям, а Брянскому заводу. При испытаниях эта броня оказалась лучше английской. В 1890-х годах завод превратился в крупного производителя паровозов и вагонов.

В 1895 году при содействии администрации Брянского завода Вячеслав Николаевич организовал на своем предприятии кооператив рабочих и служащих - "Общество потребителей". Этот кооператив через свою торговлю снабжал продуктами работников завода.

Вся деятельность Тенишева продиктована заботой о поддержке русских инженеров и изобретателей, об устранении зависимости русской промышленности от иностранных фирм. Как организатор производства он ориентировался на новейшие технические достижения, на инженерное творчество. Его заводы предоставляли свою продукцию на различные выставки, получали награды за технические достижения.

Князь Тенишев стал одним из самых видных коммерсантов нового, европейского типа. Расчет, сметливость, какое-то особое везение, объединившись с оригинальным научным подходом, своеобразной организацией труда, свойственным крупнейшим мировым фирмам того времени привели к тому, что современники называли князя "русским американцем". Тенишев один из первых поверил в будущность автомобиля, в конце XIX века приобрел машину в Париже за 1000 рублей золотом. Так в Смоленске появился первый автомобиль фирмы "Renault" вместе с шофером французом.

У князя был открытый, общительный характер. Художник и искусствовед Александр Бенуа, бывший одно время составителем и хранителем собрания живописи княгини, оставил в своих воспоминаниях портрет Тенишева: "Ничего "княжеского" ни в наружности, ни в манерах, ни во вкусах у Вячеслава Николаевича не было. Широкое "квадратное" лицо с негустой белокурой бородой было самое простецкое, "мужицкое". Он похож на русского мужика, находили французы, да и широкоплечая, приземистая фигура скорее подходила для какого-нибудь торговца из Апраксина рынка, нежели для особы, украшенной титулом. Впрочем, будучи вполне достоверным князем, он все же не принадлежал к высшему обществу и тем менее к придворному кругу. Это был характерно русский self-made man, собственным умом и смекалкой составивший себе огромное состояние и продолжавший его с успехом увеличивать посредством всяких деловых операций и индустриальных предприятий... То, что не поддается простейшему "научному" объяснению, что не отвечает практической полезности, отбрасывалось Тенишевым как нечто лишнее и даже вредное".

Первой женой князя стала Анна Дмитриевна Замятина, дочь министра юстиции Д.Н. Замятина. Выгодный брак не принес личного счастья. Не помогло и рождение в 1878 году сына Вячеслава. Через 16 лет встретив в петербургском музыкальном салоне Марию Клавдиевну Пятковскую, Вячеслав Николаевич решил на развод. Второй раз он женился "по любви", "безумной страсти", как отмечали все мемуаристы. Княгиня Тенишева дала своему супругу такую характеристику: "Это был человек с железной волей, сильный духом. Он мягко, без малейшего усилия умел заставить говорить и делать, что хотел. Его считали крупным дельцом, умным, решительным человеком, создавшим много крупных коммерческих предприятий, между прочим, он был душой и организатором акционерного общества Брянских заводов. В обращении он был добродушен, в манерах, туалете - более чем прост. Меня подкупало в нем то, что он был совершенно несветский, серьезный, образованный человек, любил и понимал музыку, что с ним можно было говорить, но более всего - его сильный, независимый характер. Для него не существовало ни предрассудков, ни препятствий в достижении раз поставленной цели. Редкий тип человека, настоящий самородок!".

В 1895 году князь Тенишев отошел от дел Брянского завода, продал свое имение (Хотылево) и решил посвятить себя научным занятиям. К этому времени состояние В.Н. Тенишева было миллионным, это позволило ему удалиться от дел и заняться научным трудом, общественно-полезной и благотворительной деятельностью.

Педагогическую и меценатскую деятельность с Вячеславом Николаевичем разделила его жена Мария Клавдиевна. Началом этой совместной деятельности стала Бежица, где находились заводы князя. При поддержке князя княгиня Тенишева открыла при заводе ремесленно-духовное училище на 60 человек, позднее для него было построено новое двухэтажное каменное здание, ремесленную школу для девочек. В селе Хотылево была создана школа для сельских детей. Княгиня полностью поддерживала взгляды Тенишева на реорганизацию образования в России, от школьного до высшего. Вместе им удалось создать стройную педагогическую систему, которая была воплощена в программах самых различных учебных заведений, открытых в Петербурге, Брянске, Смоленске. Анализ сохранившихся архивных документов от Устава и расписания уроков до бухгалтерских и педагогических отчетов, даёт возможность выделить четыре основных принципа педагогической системы князей Тенишевых:

-жизнь человека богатой и счастливой может сделать только хорошее образование;

-индивидуальный характер образования проявляется в учете личных способностей и интересов ученика, выявлении его природного таланта;

-любое знание должно носить прикладной характер;

-образование должно быть доступно любому человеку, желающему учиться.

Тенишев был глубоко убеждён, что самое большое количество умных формул в голове ребёнка не сделает его богатым и счастливым, если он не сможет применить их в жизни. В учебных заведениях князей Тенишевых сироты и дети из бедных семей принимались в первую очередь и на полное обеспечение.

Тенишев был заинтересован в развитии коммерческого образования в России, построил собственное учебное заведение, соответствовавшее самым высоким стандартам того времени, соединив два больших корпуса стеклянной галереей и оранжереей с диковинными растениями. В училище были: собственная обсерватория, две библиотеки, насчитывающие свыше шести тысяч томов, класс естествознания с амфитеатром и столами для самостоятельной работы. На воплощение своей идеи князь потратил 1,5 миллиона рублей, ежегодные дотации на содержание зданий и оплату труда преподавателей составили 50 тысяч. Вячеслава Николаевича интересовали две очень важные проблемы - проблема воспитания и образования молодежи и проблема управления производственными кадрами.

Научные интересы Тенишева лежали в области этнографии и социологии. Над программой этнографических исследований князь работал в Смоленске. Князь Тенишев был убежден, что многонациональное Российское государство сможет сохранить своё единство только тогда, когда каждый живущий в ней народ сохранит свой язык, самобытную культуру, связь со своими корнями. Инженер по образованию, Вячеслав Николаевич очень много времени и средств уделял изучению и развитию сельского хозяйства. Результатом этнографических исследований стали труды, направленные на улучшение правового положения крестьянства. Под влиянием этнографической деятельности князя сформировались взгляды его жены Марии Клавдиевны.

Исследованию социологических вопросов князь посвятил книгу «Деятельность человека». В своей книге князь размышлял о том, как объяснить поведение человека и предугадать его поведение в обычных или экстремальных ситуациях. Книга начинается с исследования потребностей человека, с его отношения к внешнему миру. Одна из глав была посвящена изучению человеческой деятельности. В последней главе на примере эскимосов автор показывал практическое применение своей исследовательской программы. Он надеялся, что социологические и этнографические исследования помогут разобраться в сложном мире человеческого общения. Каждому администратору необходимо знать и иметь сведения о поведении и поступках управляемых им людей. Исследования поступков и поведения людей разных классов позволят предвидеть последствия многих событий, введения новых законов и постановлений власти. Социологические исследования необходимы и в реальной практической деятельности многих людей. Врачу надо знать образ жизни своих пациентов, учителю нужно учитывать ту среду, в которой живут его ученики. В связи с этими идеями Тенишев решил организовать собрание сведений о жизни самой большей части населения России - крестьянства.

В 1898 году он организовал для этого Этнографическое бюро в Петербурге. Этнографическое бюро обратилось за помощью ко всем желающим собирать материалы о крестьянах, откликнулись 350 человек из 24 губерний. Бюро разработало программу всестороннего исследования жизни русских крестьян. Используя принцип материальной заинтересованности, Тенишев добился того, что сведения, присылаемые ему в Петербург, были достаточно достоверными, они подтверждались копиями договоров, расписками и прочим. За два года

удалось собрать огромный и уникальный по своему значению материал. Ответы на 2500 вопросов позволили составить полную картину социально-экономической жизни крестьянства Центральной губернии Европейской России в конце XIX века. За весь период работы в "Этнографическое бюро" поступили 3492 рукописи, в том числе и материалы из Орловской губернии, в составе которой находился Брянский край. Князем на это научное предприятие было израсходовано около 200 000 рублей. Кроме сбора материалов о жизни и настроениях крестьянства, Этнографическое бюро выпускало книги по близкой к этим исследованиям тематике: крестьянскому фольклору и народной медицине. На основе материала, собранного Этнографическим бюро, Тенишев предложил издать труд "Быт великорусских крестьян-землепашцев", к сожалению, смерть князя помешала воплотиться этому замыслу.

Занятия В.Н. Тенишева оказали заметное влияние на его сына от первого брака Вячеслава. В.В. Тенишев с 1905 года начал обрабатывать материалы о крестьянской жизни, собранные в Этнографическом бюро своего отца. В 1907 году в Брянске вышла в свет книга Вячеслава Тенишева «Правосудие в русском крестьянском быту». Осенью 1907 года В.В. Тенишев был избран депутатом III Государственной Думы, где представлял интересы Брянска и Брянского уезда. Продолжая традиции отца, В.В. Тенишев заботился о поддержке образования, за что получил благодарность Брянской Городской Думы. Перу В.В. Тенишева принадлежат труды по юриспруденции и международному праву.

В 1897 году В.Н. Тенишев был назначен Генеральным Комиссаром Парижской выставки 1900 г. Среди участников выставки были Брянский железоделательный и Дятьковский хрустальный заводы.

Тенишеву приходилось координировать работу поставщиков, подрядчиков и рабочих, управлять сложным механизмом выставочного комплекса. Благодаря огромной энергии князя Тенишева и таланту приглашенного им главного художника экспозиции Константина Коровина Русский отдел пользовался у посетителей большой популярностью. Княгиня М.К. Тенишева подготовила для парижской выставки группу балалаек прекрасной работы, расписанных Врубелем, Коровиным, Малютиным.

Посетители Всемирной Парижской выставки были удивлены брянским паровозом Н № 850 с шестью движущимися осями и сочлененной рамой. Тогда это был самый мощный локомотив в мире. За свою экспозицию Россия получила 1589 наград, из них 370 золотых медалей. По инициативе Тенишева после продажи части экспонатов с выставки деньги были направлены в Дом призрения бедных детей.

25 апреля 1903 года Тенишев умер от сердечной болезни во Франции.

Одним из объединений местной интеллигенции стало организованное в Брянске общество врачей. Оно насчитывало 28 действительных членов. Торжественное открытие общества состоялось в декабре 1896 года. Председателем был избран Г.И. Поварин, пользовавшийся заслуженным авторитетом в городе. Позже, в годы Первой мировой войны, он возглавил воинский госпиталь. Общество действовало и за пределами уездного центра. В 1913 году в Жуковке по инициативе тогдашнего председателя общества хирурга Н.А. Михайлова был открыт санаторий для больных туберкулезом.

Вопросы здравоохранения и народного просвещения в Брянском крае в основном находились в руках земств, но их возможности были ограничены. Правительство не очень поощряло деятельность земств, опасаясь их либерального влияния на общество. Несмотря на это, земские учреждения работали довольно эффективно. В справочнике конца XIX века отмечалось, что "...Орловская губерния тратит более всех на медицинскую часть".

Много полезного для Брянского уезда было сделано В.Э. Ромером, который являлся директором крупного Орловского коммерческого банка (филиал его находился и в Брянске) и более 20 лет избирался гласным Брянского уездного земства. В.Э. Ромер был инициатором строительства новых больниц, учебных заведений и т.п. В 1900 году ему удалось настоять на увеличении жалования земским учителям с 200 до 350 рублей. В конце жизни, в 1906 году, В.Э. Ромер был избран членом Государственного Совета.

В Новозыбковском уезде долго помнили имя князя Николая Дмитриевича Долгорукова (1857—1899). Поселившись в 1883 году в селе Великая Топаль в имении жены Марии Павловны (в девичестве - княжны Голицыной), он был избран мировым судьей, а в 1888 году - новозыбковским уездным предводителем дворянства. С 1896 года и до своей кончины являлся губернским предводителем дворянства. Был одним из виднейших земских деятелей, являясь, в частности, председателем постоянной комиссии губернского земства по народному образованию. Его усилиями в 1892 году было создано Новозыбковское сельскохозяйственное техническое училище. На личные средства князя были построены женские гимназии в Новозыбкове и Чернигове, сельская школа в Великой Топали. Н.Д. Долгоруков занимался изучением старообрядчества и стал инициатором создания Черниговской губернской архивной комиссии. Ему было присвоено звание почетного гражданина Новозыбкова, а улица, где находился его дом, переименована из Миллионной в Долгоруковскую (сейчас - Коммунистическая). Его жена уже после смерти супруга открыла в Великой Топали первые в уезде детские ясли и построила за свой счет больницу.

Вопросами городского благоустройства ведали Думы. Извечной была проблема нехватки денег. Иногда что-то удавалось получить из казны, подчас деньги давали люди состоятельные. Самыми влиятельными людьми Брянска по своему имущественному положению в начале века были в основном представители купечества: М.И. Баженова, П.С. и С.С. Могилевцевы, А.И. Вязьмитина, Ф.Н. и М.Д. Комарёвы, В.М. Авраамов. Добрым словом следует помянуть Василия Ивановича Сафонова, бывшего брянским городским головой с 1885 по 1917 год.

В конце первого десятилетия XX века в России широко распространились потребительские общества, членами которых часто становились рабочие различных предприятий, и это позволяло им иногда поправить свое материальное положение. Нарушая монополию старых торговцев, потребительские общества добивались снижения цен, но утверждаться обществам было непросто. Об одном из них, брянском, писал в своих воспоминаниях К.Г. Паустовский. Оно было открыто в 1910 году для рабочих "Арсенала" полковником Кузьминым-Караваевым. Развернуться обществу помешали конкуренты. Лавку сожгли, а пайщикам - рабочим "Арсенала" - пришлось покрывать убытки.

Быстрое экономическое развитие требовало образованных рабочих, а поэтому в конце XIX - начале XX веков значительно увеличилось число учебных заведений. В сельской местности основными учреждениями образования были земские школы, которые финансировались в основном из местного бюджета, и церковноприходские, содержавшиеся за счет церкви. Так, например, в Трубчевском уезде в 1900 году было 42 земские школы и 11 церковноприходских. Денег обычно не хватало. В конце XIX века в Орловской губернии на нужды образования на душу населения выделялась 21 копейка в год. Поэтому в большинстве школ ощущалась острая нехватка учебных пособий, книг, письменных принадлежностей, да и сами помещения зачастую были темными и неудобными.

К началу XX века в уездных городах Брянского края имелось до пяти учебных заведений, а в Брянске и Бежице - около десятка. Для тех, кто был в состоянии оплатить более серьезное образование, существовали частные школы. Прогимназии и гимназии были раздельными - мужскими и женскими. Самым известным учебным заведением в Брянске в начале XX века была казенная женская гимназия. В 1909 году она переехала в здание, находящееся сейчас на площади Карла Маркса. В 1907 году в здании на углу Авиловской и Московской улиц (теперь - улицы Горького и улицы Калинина) открылась мужская частная гимназия. В 1910 году появилась казенная мужская гимназия, а через год своя гимназия открылась и в Бежице. На месте сегодняшней брянской гостиницы "Десна" действовало среднее механико-техническое училище. К началу Первой мировой войны в городе работало около пятнадцати учебных заведений разных типов, включая начальные школы, но образование получали далеко не все желающие. Попытки земств Брянщины обеспечить всеобщее начальное образование оказались безуспешными - ни у земств, ни у населения не было достаточных средств для выполнения этой задачи, а помощь государства была незначительной.

Жизнь уездных городов не отличалась разнообразием. Местами для досуга были городские сады. В Брянске одним из самых посещаемых был сад Общества трезвости, расположенный на месте нынешнего почтамта - по соседству с винными складами. Для "чистой публики" существовали залы дворянского и купеческого собраний. На месте областной библиотеки в Брянске действовал зал общественного собрания на 300 мест. Постоянных театров не было. Гастролировали в основном заезжие труппы, публика предпочитала оперетту. Представления чаще давались в так называемых летних театрах - на открытых площадках городских садов. С выпуском первых патефонных пластинок в домах состоятельных людей появились патефоны. Для публики попроще театр заменялся цирком. Цирковые труппы приезжали каждое лето. Перед Первой мировой войной выступления происходили отдельно в Брянске и Бежице.

В 1909 году в Брянске открылся первый коммерческий кинематограф Рыжовой на Комаревской улице (теперь улица Фокина). В последующие пять лет возникло еще шесть "электротеатров". Появились они и в других городах. Кино было дешевым и доступным зрелищем. Отечественных фильмов было мало, крутили в основном американскую или французскую продукцию. Часто сеансы проходили под открытым небом, и даже в сильные морозы зрителей

было много. Сюжет картин был обычно незатейлив - любовные истории, комедии, приключения.

Развлечением для привилегированной публики был каток. В Брянске он устраивался прямо на льду Десны. Билеты стоили дорого - 15 копеек, но ходить сюда считалось престижным. Наиболее частыми посетителями катка были гимназисты. Экзотическими видами спорта были лыжи и велосипед. Приобрести и то, и другое могли только состоятельные люди. Лыжи привозились из Норвегии, а велосипеды из Германии. Число поклонников этих видов спорта постоянно росло.

В первое десятилетие XX века в городах края работало более десятка общественных библиотек. Выбор книг был невелик. Одна из лучших библиотек в Привокзальной слободе города Брянска имела менее 3 тысяч томов. Появились первые бесплатные библиотеки-читальни и в сельской местности.

Простой народ по праздникам устраивал кулачные бои, собиравшие немалое количество зрителей. В Стародубе большой популярностью пользовались домашние спектакли. Из-за фривольного содержания некоторых пьес эти постановки были запрещены.

Центром притяжения простой публики Брянска была Московская улица - район собора и базарной площади. Празднично одетые мастеровые и приказчики, щелкая семечки, прогуливались в разных направлениях. Кабаков было много. Казенные винные лавки были почти в каждой деревне. Спиртным торговали в трактирах, чайных, пивных. Исследования начала века показывают, что от трети до половины сельского населения употребляли алкоголь постоянно. В городах, особенно в рабочих слободах, дела обстояли не лучше.

В заводской Бежице заметно проявлялась особая разновидность городского быта - быт рабочих. Даже внешне рабочий отличался от крестьянина. На голове у него был не колпак, а картуз, на ногах - кожаная обувь. К началу века распространился пиджак. Рабочие селились в двухэтажных бараках или в специально построенных для них одноэтажных кирпичных домах недалеко от завода. Их до сих пор называют по фамилии одного из основателей завода губонинскими. Условия жизни в огромных деревянных казармах были тяжелыми. Эти помещения были разделены на множество маленьких квартир, в которых царил духота, теснота, неопрятность. Рядом стояли небольшие кое-как сколоченные хлевки для коров и свиней.

Со временем заводовладельцы решили предоставлять рабочим кредит на постройку домов и четверть десятины земли в аренду. Так в рабочей среде начало расти количество укоренившегося в поселке населения. В рабочих слободах жизнь была устроена лучше, чем в казармах: у домов в палисадниках росли георгины, в огородах поднимались подсолнухи. Окна домов были завешены красными или белыми занавесками и украшены горшками с цветущими растениями. В праздники родители сидели с детьми на крылечках, в других местах играли на гармонике и плясали, соседи собирались за самоваром.

Среди одноэтажных домов рабочих выделялись особняки ведущих служащих завода - двухэтажные, построенные в стиле модерн. Инженеры жили очень обеспеченно, но кроме работы они интересовались главным образом кар-

точной игрой, которой и посвящали свое свободное время. Немного иначе, хотя и беднее, была устроена жизнь интеллигенции, но в провинции ее было немного - в основном военные, врачи и учителя.

Города были довольно грязными. В Брянске мостовые были только в центре - на Московской улице и некоторых прилегающих к ней, но находились в ужасном состоянии, у городской власти постоянно не было денег на ремонт. Осенью и весной грязь была непролазная. Первый водопровод появился в Брянске в 1905 году, а электричество - в 1916 году. Электроэнергия стоила дорого, а поэтому в большинстве домов, как и прежде, для освещения использовался керосин.

В 1909 году в Брянске появился телефон, и к 1916 году им пользовались уже около 300 человек. Первый телефон-автомат установили в 1913 году на Ригго-Орловском вокзале. В 1912 году брянцы впервые увидели самолет. Над городом пролетел авиатор Кузминский.

В целом к началу XX в. брянский городской быт стал разнообразнее. Часто в нем причудливо сочетались архаические и новые черты. Подобное смешение старого и нового было присуще и другим городам края.

Очень большой вклад в развитие и обустройство Брянска внесли братья Павел Семенович и Семен Семенович Могилевцевы. В 1888 году Могилевцевы сделали первый подарок городу. Они предоставили два дома с садом для устройства больницы. Однако, больница была подожжена. Могилевцевы отстроили оба строения заново, выделили деньги на обустройство. Сейчас в этом здании на улице С. Перовской находится инфекционная больница. При Спасо-Гробовской церкви (рядом с теперешней гостиницей "Брянск") Могилевцевы построили школу, на их деньги было обновлено само здание церкви; открыли Торговую школу (теперь — больница в конце улицы Калинина), женскую ремесленную школу (здание медучилища), женскую гимназию на Красной площади (теперь административное здание на площади Карла Маркса), мужскую гимназию на Московской улице (улица Калинина; именно в ней несколько лет проучился известный русский писатель К.Г. Паустовский), и еще около десятка учреждений. Могилевцевым Брянск был обязан системой водопровода и первой электростанцией. На нужды города братья израсходовали почти все свои капиталы. После смерти П.С. Могилевцева городская Дума приняла решение увековечить его память. В 1915 году в центре города был торжественно открыт памятник меценату, но после революции он был снесен. До сих пор в Брянске нет ни одного названия, которое помогло бы сохранить имя Могилевцевых в истории города

Борьба за общественное сознание

С первых дней существования органов новой власти они активно занимались вопросами культуры, народного образования, внедрения в массы социалистической идеологии. Уже в ноябре 1917 года в Бежице открылись вечерние технические и двухгодичные курсы для подростков, а в январе 1918 года - вечерняя школа для взрослых.

Наряду со школами для обучения грамоте, создавались различные внешкольные учреждения. В ведение отделов народного образования передавались многие дома, в том числе принадлежавшие ранее купцам и промышленникам. Так, в Трубчевске и Любохне в купеческих зданиях были организованы Дома юношества. Осенью 1918 года в Брянске открылся Народный университет. В нем было два отделения - естественное и словесное. Тогда же появился аналогичный университет и в Бежице с двумя отделениями - общественно-политическим и естественным. Основными предметами стали "Философское обоснование марксизма" и другие подобные дисциплины, главной задачей которых было формирование нового сознания. В сентябре 1918 года в Бежице при Рабочем клубе была открыта школа искусств, в рисовальном классе Брянского технического училища - художественная студия, в поселке Урицком при железнодорожном клубе - художественные курсы; в Брянске появилось художественно-историческое общество, а в 1919 году - музыкальный техникум.

По переписи 1920 года грамотное население составляло около 25% от всего населения края (среди мужчин грамотных было 40%, среди женщин — 12%). Поэтому главной задачей культурного строительства стала борьба с неграмотностью. Вводилось бесплатное образование для детей обоего пола до 17 лет. Открывались единые трудовые школы первой и второй ступени, обучение в которых начиналось с 8 лет. Делались первые шаги по созданию органов самоуправления, в школах избирались старостаты и школьные советы. Они занимались не только устройством школьной жизни, решением вопросов дисциплины, утверждением перечня и содержания преподаваемых предметов, но и созданием клубов, самообразовательных кружков, организацией митингов, вечеров и т.п. Для дошкольников начали организовывать детские сады. В отдельных городских особняках открывались дома матери и ребенка. При местных советах создавались отделы социального воспитания. В Климовской волости в 1919 году была создана одна из первых в Советской России трудовая колония "для беспризорников" (в нее было помещено 160 детей и подростков). На ее базе позже появилась детская политическая организация "Кухаркины дети".

Наряду со многими полезными нововведениями в деле строительства новой культуры имели место неоправданные меры, вносившие дезорганизацию в школьное обучение. Были преданы забвению принципы старой школы с ее урочной системой, заданиями на дом, оценками за знание учениками материала. Были закрыты все гимназии, а также учительские семинарии, работавшие в Карачеве и Сураже и накопившие богатый педагогический опыт.

Большое внимание уделялось коммунистическому воспитанию молодежи. Создавались комсомольские организации, ячейки коммунистов-учащихся при школах. Первая комсомольская организация была образована в Брянске 22 февраля 1919 года. Среди активных членов комсомола, сыгравших большую роль в создании молодежных организаций, можно назвать Николая Чаплина. Сразу после Октября он организовал в Рогнединской школе революционную молодежную ячейку, которая позже стала комсомольской. В 1919 году семнадцатилетний Н. Чаплин вступил в большевистскую партию и за пять лет прошел путь до генерального секретаря ЦК ВЛКСМ (стал им в 22 года), а позже был репрессирован.

Происходила всё более заметная идеологизация всего школьного дела. Во время гражданской войны комсомольские организации участвовали в проведении субботников по обеспечению городов продовольствием, заготовке дров для учреждений и госпиталей, сбору продовольствия для армии. Ликвидировались или обновлялись по составу общественные организации, созданные до октября 1917 года. В феврале 1919 года в Новозыбкове прежние кооперативные организации были объявлены антисоветскими. Местные предприниматели, являвшиеся представителями различных организаций, устранялись из Советов как лица, "мешающие правильному ходу пролетарского творчества". Однако поначалу общественная деятельность жестко не регламентировалась. В Брянске работала организация Всероссийской лиги равноправия женщин. Создавались и новые профсоюзы, например, профсоюз работников искусств. Для новых организаций требовались помещения, поэтому часто жителей выселяли из собственных домов.

Предпринимались попытки приобщения к культуре широких масс населения. Расширялась сеть библиотек, в селах начали создавать избы-читальни. Организовывались самодеятельные театральные, музыкальные, художественные коллективы, а также сводные агитколлективы, совмещавшие агитационно-пропагандистскую, просветительскую и культурно-массовую работу.

Принципиальным был вопрос отношения к религии. Но атеизм трудно было учредить директивно. Например, после учреждения в Брянске в мае 1918 года гражданской регистрации браков население довольно долго не принимало нововведение. Также обстояло дело и с регистрацией новорожденных. Другой стороной новой идеологической политики стало закрытие многих церквей и монастырей. На Брянщине были случаи, когда местные жители отбирали земли у монастырей, грабили церковные помещения, а в годы Гражданской войны в отдельных монастырях и церквях находили прибежище антисоветские элементы. Попытки использовать церковные здания для хозяйственных и культурных нужд впоследствии заканчивались их разорением, либо полным уничтожением. Это, в частности, относится к комплексам Белобережской пустыни, Свенского, Николо-Одринского, Спасо-Чолнского, Спасо-Преображенского и некоторых других монастырей, на территории которых были размещены колонии для беспризорных детей и подростков. Однако в целом закрытие церквей и монастырей вызывало осуждение верующих, а факты наиболее неуважительного отношения к религии приводили к эксцессам.

Социальные перемены и общественная жизнь в довоенные годы

Брянские старожилы-горожане об эпохе НЭПа вспоминали с ностальгией, как о временах изобилия и благополучия. Тогда магазины, лавки, рестораны и кафе были наполнены товарами и продуктами, которые можно было приобрести без всяких очередей.

В Клинцах, например, работали фотоателье, магазины, где продавались граммофонные пластинки, радиодетали, детекторы для радиоприемников. Работал «Народный дом» с кинотеатром им. Луначарского, рестораном на первом этаже и бильярдом. Часто происходили гулянья, концерты, игры. В выходные

дни в каждом городском саду играл духовой оркестр. Праздники 1 мая и 7 ноября отмечались демонстрациями с революционными и народными песнями. Город к праздничным дням украшали иллюминациями из разноцветных светящихся лампочек. Украшения из электрических ламп были в диковинку, поэтому вечерами полюбоваться ими собирались толпы. Народное веселье продолжалось до поздней ночи.

Продовольственное изобилие с началом индустриализации и коллективизации прекратилось. Начиная с 1929 года продукты добывались в длинных очередях. Дефицит товаров и продуктов стал на долгие годы нормой жизни.

Существенно ухудшил питание брянских горожан голод 1933-1934 годов. Например, в Брянском строительном техникуме (студентов кормили бесплатно) на первое давали суп из лука и моркови, на второе запеканку из сушёной моркови и сушёного картофеля без грамма мяса или сала, а на третье - две ложки густого киселя.

Сотни рабочих семей имели в пригороде землю, купленную за собственные деньги от четверти до целого гектара. Рабочие сажали здесь картошку, просо, овёс, подсолнечник, тыкву, свекловицу, эта земля позволяла рабочим держать поросёнка, птицу и даже корову, а также кормить свои семьи. Но в годы коллективизации эти земельные участки у рабочих отняли без компенсации.

Питание городских жителей стало улучшаться только к концу 1930-х годов. В целом оно оставалось хуже, чем у рабочих в 1913 году, однако потребление молока, картофеля и сахара превысило дореволюционное.

Впрочем, очевидны были положительные перемены и в городской жизни. Прежние неквалифицированные рабочие получили возможность получать квалификацию на специальных курсах. Развитие сети школ, училищ, средних специальных и высших учебных заведений, больниц, поликлиник, библиотек, музеев, домов культуры, клубов и стадионов улучшало условия жизни в городах и в рабочих посёлках. Больше внимания стало уделяться и их благоустройству, в т.ч. и за счёт безвозмездного труда горожан на коммунистических субботниках и воскресниках.

Все города Брянского края в 1930-е годы были электрифицированы и радиофицированы, работал водопровод, правда, большая часть городского населения обслуживалась уличными и дворовыми колонками. Немалая часть жителей брянских городов стала получать тепло и горячую воду от Брянской и Клинцовской ТЭЦ и местных котельных. Развивался пассажирский транспорт.

Однако жилищная теснота в городах (чуть более 6 м² на одного человека) не была устранена, массовая жилищная застройка была исключением.

Положение с жильём на селе было заметно лучше, чем в городе. Однако качество жизни оставалось низким. Хаты по-прежнему крылись соломой. Железные крыши были редкостью. Дворы редко огораживались: куры и свиньи свободно бродили у дома и по улице. Разновозрастные большие крестьянские семьи, как правило, жили все в одной комнате, без перегородок. Быт в сельской местности в целом мало изменился.

Однако колхозники больше покупали промышленных товаров, товаров для детей и «культурного обихода».

Конечно, двадцатые и тридцатые годы не устранили огромного разрыва в области культуры, образования, медицинского, социального обслуживания и быта между городом и деревней, но заметно его уменьшили.

С первых лет советской власти большое внимание уделялось здравоохранению. Особенной заботой являлась охрана здоровья детей. В 1920 году в Брянске был создан Дом матери и ребенка, в 1921 году - детская амбулатория. Их организатором была Л.И. Нацкая. В 1926 году она стала главным врачом открытой в Брянске первой детской больницы. В Новозыбкове была создана консультация, а в 1927 году открылась крупнейшая в крае больница на 375 коек с детским отделением.

К концу 1929 года в Брянске и Бежице работало 9 яслей и три детских консультации. К 1940 году в городах и сёлах Брянщины работали 115 больниц, 214 амбулаторий и клиник, 215 фельдшерско-акушерских пунктов, 32 женских и детских консультации. В них работало более 520 врачей и 1400 средних медработников (для сравнения: в 1920 году в Брянской губернии работало менее 60 врачей).

Одним из самых больших достижений в области здравоохранения в Брянском крае в довоенный период стало строительство самого современного для того времени железнодорожного «больничного городка» (1933-1934 гг.). Этот комплекс состоял из 12 зданий. В 1930-е годы бесплатное медицинское обслуживание в городах стало нормой. Массовым явлением стало бесплатное обеспечение путёвками на санаторно-курортное лечение и отдых.

Органической частью советской культуры, быта и повседневной жизни в 1920-е - 1930-е годы стали физкультура и спорт. В Брянске в начале 1920 года был создан первый Совет физической культуры. 18 июня на параде войск Брянского гарнизона в честь годовщины создания Коминтерна, брянские жители с удивлением увидели 250 юношей и 150 девушек в красивых гимнастических костюмах. В августе того же года прошла первая губернская олимпиада, ставшая в дальнейшем ежегодной.

С окончанием Гражданской войны спортивные секции и ячейки физкультуры стали возникать во многих местах. В 1924-1925 годах в губернии развернулось строительство спортивных объектов. На Полевой (Ярмарочной) площади состоялась закладка первого в Брянске стадиона, а уже в июле основные работы здесь были завершены, и открывшемуся стадиону присвоили имя В.И. Ленина. На следующий год здесь была построена первая баскетбольная площадка. Тогда же на Десне открылась станция с секциями гребли и плавания. В ряде городов Брянского края начали создаваться секции тяжёлой атлетики, борьбы, велосипедные, волейбольные, легкоатлетические, шахматно-шашечные.

Главной формой объединения спортсменов были добровольные спортивные общества. Первое такое общество «Динамо» было создано еще в 1923 году, а к 1936 году их было уже свыше 60.

В 1931 году был разработан Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне». Все школьники, не имеющие медицинских противопо-

казаний, к окончанию школы должны были выполнить нормативы ГТО первой или второй ступени.

На теннисных кортах Бежицы проводились не только областные, но и республиканские и всесоюзные соревнования. Водные соревнования республиканского уровня проводились на лодочной станции на Стодольском озере близ Клинцов. Там же проводились на городском стадионе Всесоюзные легкоатлетические соревнования, молодёжь увлекалась вольной борьбой. Самой же большой популярностью пользовался футбол, первенства Брянской губернии по которому стали разыгрываться с 1923 года. Наиболее сильным футбольным клубом 1930-х годов был бежицкий «Дзержинец», которому удавалось побеждать даже ведущие команды Ленинграда, Киева и других городов.

Особое внимание уделялось развитию оборонных видов спорта. По всей территории Брянского края действовали десятки стрелковых и лыжных секций. В 1929 году в Брянске открылась лыжная станция, в 1934 году парашютная вышка на Покровской горе; регулярно стали проводиться водные праздники, была создана школа бокса, секция штыкового боя. В это время все явственнее ощущалось приближение войны. Спорт всё более приобретал военно-прикладной характер. Особенно пропагандировались в городской газете лыжи. Большое общественное внимание привлекал лыжный поход в противогазах работников швейной фабрики и лыжный переход в 1936 году группы спортсменов до Архангельска, преодолевших расстояния более чем в 1,5 тысячи километров.

Особое внимание привлекал к себе авиационный спорт. Весной 1922 года жители Брянска создали фонд для постройки аэростата им. Фокина. В 1933 году было организовано брянское отделение «Общества друзей воздушного флота», а к концу 1934 года в нём числилось 30 тысяч человек.

В 1915 году Брянск стал на 2 года «авиационным городом», так как здесь базировался 5-й авиационный парк Российской армии (собирали и тестировали иностранные летательные аппараты, а также чинили поврежденные на фронте). В 1926 году в городе началось строительство настоящего военного аэродрома со всей надлежащей инфраструктурой (между Брянском и селом Городище). Позднее ещё одна мощная авиабаза была сооружена в Сеще. В 1928 году на Брянской базе в должности командира звена проходил службу выдающийся летчик Валерий Павлович Чкалов. Строительство первого гражданского аэродрома в Брянске началось в 1925 году. На железнодорожной станции «Бордовичи» в сторону деревни Антоновки было подобрано поле, на котором проведены мелиоративные работы, выкорчеваны деревья, выровнена поверхность. Здесь имелось 5 стоянок для самолётов на случай ночёвки, небольшой склад горюче-смазочных материалов, был техник для обслуживания самолётов, ветроуказатель и «служебный дом, в котором жил старший начальник аэродрома». В 1932 году на аэродроме Бордовичи «разместилась планерная станция». Вскоре станция была переименована в Бежицкий аэроклуб. Он вёл большую работу по подготовке авиаторов и парашютистов без отрыва от производства. Первый выпуск аэроклуба состоялся в апреле 1934 года. Среди выпускников были П.М. Камозин, в будущем - дважды Герой Советского Союза, и С.Н. Азаров - Герой Советского Союза.

Молодёжь готовила себя к суровым испытаниям. Во всех учебных заведениях, на промышленных предприятиях, в учреждениях и организациях была введена военная подготовка, массовая сдача норм на оборонные значки «Ворошиловский стрелок», «ГТО» и «ПВХО» («Противохимической обороны»).

Руководители партии большевиков понимали, что без принуждения и репрессий им не удержать власть, не реализовать задуманные планы экономического рывка. В 1929 году И.В. Сталин взял курс на подавление свободомыслящей интеллигенции. Наступил «год великого перелома».

В условиях развития индустрии, повышения технической оснащённости сельского хозяйства, расширения сети школ, больниц, культурно-просветительных учреждений интеллигенция начинала играть всё большую роль, однако зачастую относилась к новой власти без особого энтузиазма, а порой и с иронией. Интеллигентов дореволюционной «закваски» стали под различными благовидными предлогами увольнять со сколько-нибудь значимых постов, как, например, директоров трубчевского и брянского музеев Г.М. Поршнякова и С.С. Деева.

Затем развернулись по сфабрикованным обвинениям столичные процессы против учёных и инженеров (Академическое дело, Дело промпартии, и другие), распространившись на регионы. В 1931 году были арестованы и осуждены на 5-10 лет лагерей 9 инженеров - ведущих специалистов завода «Красный Профинтерн», прошла волна арестов по районам.

Вторым идейно-политическим противником большевики считали людей связанных с религией. Временем массового закрытия церквей и уничтожения некоторых выдающихся памятников храмового зодчества - Успенского собора в Свенском монастыре, храма во имя Богородицы-Троеручицы в Белобережской пустыни и других стали всё те же 1929-1930 годы. Действия властей вызывали негодование верующих.

Так, в январе 1930 года власти Жуковского района решили снять колокола с некоторых храмов, что привело к массовым беспорядкам в сёлах Белоголовль, Крыжино и Морачёво. Выявить организаторов не удалось, но 18 человек приговорили к лагерям и ссылке. 10 апреля того же года значительная группа верующих из Гордеевки и соседней деревни Рудни-Воробьёвки собралась у здания Гордеевского райисполкома, требуя открыть церковь для богослужения и убрать оттуда засыпанное накануне зерно. Хотя собравшиеся не чинили насилия, были произведены аресты. Участие в мирном митинге обернулось 5 годами лагерей.

В 1930 году около 30 человек были обвинены в создании в Стародубском районе контрреволюционной церковной организации. Ещё более массовую антисоветскую религиозную группу численностью около 80 человек «придумали» работники ОГПУ Клинцовского района. Хотя в реальности этих организаций не существовало, все обвиняемые были осуждены к различным срокам лагерей или ссылки.

Хотя даже среди коммунистов курс И.В. Сталина и его окружения одобряли далеко не все, партийные работники на местах и рядовые члены партии почувствовали, что от них требуется беспрекословное выполнение директив

вышестоящих органов и безоговорочное осуждение всех, кто выражал несогласие с ними или сомневался в правильности политики руководства. Любое неосторожное высказывание можно было квалифицировать как антисоветскую пропаганду. Сочувствие исключенным из партии, сохранение отношений с ними рассматривалось как компрометирующее обстоятельство. Человека, прослышавшего «троцкистом» или «правым уклонистом», с позором исключали из партии, могли лишиться работы, жилья, отдать под суд. Было немало тех, кто активно «разоблачал», «следил», доносил. Большинство коммунистов уже не пытались высказывать свое мнение по политическим вопросам, единодушно поддерживая директивы руководства. В партию и в страну пришло единомыслие.

Поиски «троцкистов» активизировались после убийства С.М. Кирова. В ходе кампании выявлялись все, кто когда-либо поддерживал любые оппозиционные группы: их исключали из партии, дела на них передавались в НКВД. В апреле 1936 г. в направленном районным руководителям первым секретарем Западного обкома ВКП(б) И.П. Румянцевым письме с грифом «совершенно секретно» было дано указание «установить особый контроль за исключенными из партии, знать, где они работают, их настроения, следить за враждебными элементами». Самому Румянцеву жить оставалось полтора года.

Волна репрессий достигла своего пика во второй половине 1937 года. Это обернулось серией громких политических процессов, уничтоживших крупнейших партийно-государственных деятелей и командный состав армии. Рабский труд заключенных из советских концлагерей играл большую роль в государственном хозяйстве: руками «врагов народа» возводилась мощь СССР - Беломоро-Балтийский канал, канал Москва-Волга, многие заводы, фабрики, железные дороги, осваивались месторождения. Секретное решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1937 года обязывало выявить всех ранее «высланных кулаков» и разделить на две категории: идущих под расстрел «наиболее враждебно настроенных» и остальных, которых ожидал 10-летний лагерный срок на стройках социализма.

Аналогичные меры наметили и для других «бывших». Один из крупных сталинских концлагерей располагался вблизи города Стародуба на Брянщине.

Руководители региона проявили невиданное рвение в поиске «врагов народа». Начальник управления НКВД В.А. Каруцкий, получивший от наркома Н.И. Ежова разнарядку на тысячу лиц, подлежащих расстрелу, настаивал на необходимости увеличить ее более чем вдвое. Именно тогда в качестве лидера вымышленной брянской «антисоветской право-троцкистской организации», якобы связанной с И.П. Румянцевым, был арестован и расстрелян первый секретарь Брянского горкома ВКП(б) И.П. Волков, а вместе с ним его заместитель Ф.Д. Дмитриев, директор завода «Красный Профинтерн» И.Г. Штерн - всего более трёх десятков человек.

В конце сентября 1937 года было сфабриковано более тысячи групповых «дел» против рабочих, крестьян и интеллигентов. За каждым из надуманных «дел» стояли реальные человеческие жизни. Так, по «делу контрреволюционной фашистско-офицерской организации», якобы существовавшей в Брянске, было расстреляно 13 человек, 8 из которых были когда-то офицерами царской

армии. Еще двое получили по 10 лет лагерей. Никто из них в реальности не был связан с «белым движением», а А.И. Голохвастов в ноябре 1917 года вообще избирался комиссаром полка и его представителем в Орловском совете рабочих и солдатских депутатов, а в 1920-1921 годах работал брянским губвоенкомом.

В Дятьковском районе одна за другой были «раскрыты» «контрреволюционная террористическая эсеровская организация» из 10 рабочих и две «анти-советских эсеров-кулацких группировки» из 42 рабочих и служащих: 13 человек расстреляли, остальные получили по 10 лет лагерей.

Расстрелы и длинные лагерные сроки настигли неожиданно 12 колхозников из Овстуга, 23 крестьян и рабочих из Ляличей, 17 сельских жителей из с. Акуличи (в их числе оказался и первый председатель колхоза Н.А. Глушаков), 14 уроженцев д. Камень Стародубского района, 12 селян из Заборья из Красной Горы, 10 жителей Трубчевского района из деревни Селец (включая председателя колхоза и священника), 10 человек из с. Пластовое под Навлей.

Многие арестованные были осуждены по одиночным делам. Многие одиночные дела возникли как результат доносов внештатных осведомителей либо просто лиц, сводивших таким путем личные счеты. Немало низовых советских, партийных и хозяйственных руководителей было осуждено по политическим обвинениям. В Стародубе расстреляли и отправили в лагерь представителей местной интеллигенции, сравнивавших обеспеченность товарами первой необходимости в СССР и в «царской» России.

Обычным приговором все чаще становился расстрел. С октября по декабрь 1937 года было репрессировано свыше 13300 человек, в том числе расстреляно 3250. Среди них были бежицкие краеведы И.Е. Благодатский и Н.И. Леянов, талантливый писатель М.С. Завьялов.

Столь же беспощадны были приговоры большинству священнослужителей - как действующих, так и бывших. В Стародубе «раскрыли» контрреволюционную организацию «Истинно-православная вера», в которую включили 7 местных священников. Аналогичная группа из 9 представителей духовенства была «выявлена» в Почепе. Расстреляли всех.

Одним из наиболее крупных стало дело брянских и дятьковских церковников, по которому было осуждено более 30 человек. Десятками арестовывали представителей христиан-протестантов - в Клинцовском, Красногорском, Новозыбковском, Трубчевском, Дубровском, Клетнянском, Почепском районах, их отправляли в лагерь, расстреливали.

В 1938 году репрессии немного сбавили обороты: за весь год число репрессированных по региону составило 3300 (в том числе 800 расстрелянных).

Стали пересматривать многие прежние дела, часть осужденных амнистировали и освободили. За массовые фальсификации многие работники НКВД вслед за Ежовым были уволены и осуждены.

Расстрелом кончили карьеру бывший начальник управления НКВД по Орловской области П.Ш. Симановский и бывший начальник Новозыбковского отдела НКВД А.К. Русских. В числе получивших лагерные сроки оказались отдельные лжесвидетели. Однако основная часть безвинно осужденных при этом тоже оставалась в лагерях вместе с уголовниками, а пересмотр дел носил не полный и не всегда объективный характер.

Использованные источники:

1. История Брянского края: XIX – XX вв. [Текст] / Л. В. Алферова и др. – Брянск: Курсив, 2012. – 320 с.: ил.
2. Брянский край [Электронный ресурс]: сайт // Режим доступа: <http://www.kray32.ru/> – Дата обращения 15.02.2017. - Заглавие с экрана.
3. История Брянского края с древнейших времен до конца XVII в. [Текст] / Под ред. В. Ф. Блохина – Брянск: Курсив, 2007. – 193 с.: ил.
4. История Брянского края. Век XX [Текст]: учеб. пособ. для 11 кл. – Клинцы: Изд-во Клинцовской типографии, 2003. – 214 с.: ил.
5. История Брянского края [Текст]: В 2-х ч. Ч.1. С древнейших времен до конца XIX века / О. В. Горбачев. – 2-е изд. – Брянск: Изд-во БГПУ, 2001. – 303 с.: ил.
6. Родной Брянск, милая сердцу Брянщина [Электронный ресурс]: сайт // Режим доступа: <http://www.puteshestvie32.ru/>. – Дата обращения: 29.02.2017. – Заглавие с экрана.

Дополнительная литература для студентов:

1. Алешин, В. Ф. Село Супонево. Из глубины веков до нынешних времен / В. Ф. Алешин. – Белые Берега: Белобережье; Группа компаний «Десяточка», 2007. – 504 с.: ил.
2. Анищенко, Е. Н. Партизанская республика. Героические повествования о народных мстителях Навлинского района Брянщины / Е. Н. Анищенко. – Тула: Приок. кн. из-во, 1992. – 279 с.: ил.
3. Афроимов, И. Л. Город, где стреляли дома: документальная повесть / И. Л. Афроимов. - Тула: Приок. кн. изд-во, 1967. – 174 с.: ил.
4. Васенков, В. И. Брянская пролетарская: документальная повесть / В. И. Васенков, Б.Н. Ильницкий. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1982. – 199 с.: ил.
5. Войстроченко, А. Ф. Как это было. Чернобыль и Брянщина / А. Ф. Войстроченко. – Брянск: Брянск. обл. полиграф. объединение, 2008. – 328 с.: ил.
6. Волохов, В. П. Брянск. Очерк прошлого и настоящего одного из старейших русских городов / В. П. Волохов. - Тула: Приок. кн. изд-во, 1968. – 190 с.: ил.
7. Городков, В. Н. Архитектурные образы Брянщины / В. Н. Городков. - Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. – 143 с.: ил.
8. Дозорцев, С. С. Брянск: историко-экономический очерк / С. С. Дозорцев, М. С. Дозорцев. - Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. – 175 с.
9. Золотые звезды Брянщины. Специальный выпуск журнала «Пересвет» о брянцах – героях Советского Союза. – Брянск: Брянская об. типография, 1992. – 484 с.: ил.
10. Кизимова, С. П. Мглин / С. П. Кизимова. – Брянск: Брянский рабочий, 1964. – 45 с.: ил.

11. Кизимова, С. П. Твои дочери, Брянщина / С. П. Кизимова. – Брянск: Брянский рабочий, 1982. – 214 с.: ил.
12. Край мой деревенский: сб. публицистических очерков и рассказов о развитии сельского хозяйства на Брянщине в XX веке. – Брянск: Читай-город, 2007. – 608 с.: ил.
13. Крашенинников, В. В. Из истории селений Брянского района / В. В. Крашенинников. – 2-е изд., перераб. и доп. – Брянск, 2004. – 344 с.: ил.
14. На земле Пересвета. – М.: Современник, 1984. – 462 с.: ил.
15. Павлов, В. В. Бригада трижды уничтоженных / В. В. Павлов. – М.: Политиздат, 1967. – 192 с.: ил.
16. Падин, В. А. Трубчевск / В. А. Падин. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1966. – 235 с.: ил.
17. Пасин, В. С. Декабристы Брянщины / В. С. Пасин. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. – 192 с.: ил.
18. Передельский, Л. Д. Карачев: историко-экономический очерк / Л. Д. Передельский. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1969. – 120 с.: ил.
19. Реймес, Г. К. Внимание! В небе Камозин: документально-художественная повесть / Г. К. Реймес. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1975. – 256 с.: ил.
20. Соколов, В. К. Емельян Чернодыр: исторический роман / В. К. Соколов. – Тула: Приок. Кн. из-во, 1981. – 224 с.: ил.
21. Соколов, Я. Д. Брянск – город древний: историко-краеведческий очерк / Я. Д. Соколов. – Брянск: Читай город, 2006. – 640 с.: ил.
22. Цапенко, М. П. Земля Брянская / М. П. Цапенко. – М.: Искусство, 1972. – 135 с.: ил.
23. Черный, М. П. Клинцы: историко-краеведческий очерк / М. П. Черный. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. – 160 с.: ил.

Учебное издание

Ильютенко С.Н.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ БРЯНСКОГО КРАЯ

учебное пособие

Редактор Осипова Е.Н.

Подписано к печати 20.02.2018 г. Формат 60x84. 1/16.
Бумага офсетная. Усл. п. 4,49. Тираж 25 экз. Изд. 5521.

Издательство Брянского государственного аграрного университета
243365, Брянская обл., Выгоничский район, с. Кокино, Брянский ГАУ